

ЛЕВ РОДНОВ

ИНАКО

МЫСЛЯЩИЙ

2016

УДК
ББК

Лев Роднов

Инакомыслящий/ Лев Роднов. / ИД / 2016. – XXXX с.

Мысли, идеи, наблюдения, особые состояния ума и уникальное «зрение» авторского поэтического чувства. Книга щедро насыщена метафорами, философией, пронзительной гражданственностью, мудрой тревогой и любовью к родному языку и «чрезвычайной» нашей, русской жизни.

ISBN

*Как поёт высота
и натянуты струны мгновений,
Сквозь которые божьим перстом
пробегают судьба, извлекая стихи!
И нельзя перестать подчиняться
закону живых ударений,
И над чистым листом
невозможно остаться
к живому напеву глухим.*

I

Начало пути обновить невозможно.

Лишь то, что известно, пройдёт до конца
Носитель свечи, и святынею ложной
Погасит, как маской, свечение лица.
Не спетая в духе, не влитая в плоти,
Открытьем к открытым спешит новизна:
В крылатые сплетни, в учёные когти –
Зерно тишины, как предтеча дана...
Нахальная жажда иного прочтения,
Безвестное счастье себя самого,
Отказ бытия от лечения тенью –
Вот этот по венам течёт самогон!
Уйти бы туда, в безоглядное право,
В колючую изгородь бросить бельё,
В безумие, как в сеновальные травы,
Нырнуть, провалиться навеки – живьём!
Целует путей безымянная слава
Цветущих июлей и лет череду,
И вновь обновляют забвение травы,
И вновь сеновалы забывшихся ждут –
Безадресно, бесповоротно, безбожно!
Наития пьющим, поспешность странна...
Дай, Боже, зерна! Восстаёт в невозможном
Плодов новизна, обновляя – финал.

Принуждение к выбору сеет кончину. Любовь или ненависть? Какой-то коварный умелец вопросом ответ подменил. Между высоким и низким блуждают дороги войны.

Умноженный во времени тираж,

Усиленный иллюзиями образ,
И кровопийца – счетовода карандаш –
И ветер странствий, путешественника роза, –
Всё это ценно до тех самых пор,
Пока будильник тикает под ухом.
А дальше, что? А беспредметен спор:
Будильник в безвременность рухнул:
Повисли стрелки и пропал завод,
Венки и похороны, праздник пьяных!
Ответ подсказывает взгляд «наоборот»:
Себя оплакать бы... Ещё как бы реальных!

Сочувствие к разбойникам – в крови!

Всегда хотелось странных сопряжений:
Тюрьмы и воли, водки и просвир,
То самозванства, то самосожжений.
Степным раскатом, тёркою лесов,
Холодную январскою аскезой
Воспитывались дети странных ссор,
Деля ломоть, что топором отрезан...
И крепло тайное в цепной мечте,
То унижительной, то беспощадной,
И гордость мстящих выражалась в кумаче –
Подстилки для любви площадной.
Да кроме этого паденья – ничего:
Ни суммы прадедов, ни прибавлений,
Лишь в протоколах, почерком богов,

Бездарность славилась. На чёрной лени
Растёт братва. И – кровь уносят реки,
С высот подменных колоколом бьют,
В подменной памяти разбойники-калеки,
Взлетают ангелами в боевой салют.
Через восторг – восторженные чада
В себя впивают остриё обид,
Чтоб с кистенём идти на вражье стадо:
Безжалостные! – Жалость их простит.

Подавший нищему, отныне – нищий!

Монета жалости ведёт в разврат.
Бездарноцсть множится дарованною пищей,
И благодетель действует страшней, чем яд.
В мохнатом облике, в спрутообразной хватке
Сплелись в единый отвратительный клубок
И попрошайки, что протягивают шапки,
И, откупившийся от червяков игрок...
Он так спешит! Он властелин Вселенной
Размером с крепкий секретарский стол,
Хватает звёзды он и раздражённость пеной
Пивною гасит. Да из сердца кол
Осиновый, отмеченный штрих-кодом, вынимает
По вечерам, когда от голода сосёт экран,
И злыми децибелами соседей мает,
Интеллигентов, верящих, что грех от Бога дан...
То лунный сыр в окне, то леденцы салютов,
Глаза объелись зрелищами. Время льёт
День изо-дня. Как будто барин лютый
И день, и ночь, и сыр, как мелочь, подаёт...
Червяк умножится от подаяний этих,

Проточит данное и проползёт насквозь
Фундаменты и этажи, и в перекрестьях
Безвольной щедрости воздвигнет ось.
И – обопрётся! И восстанет, грязный,
И липким взглядом у подземки обовьёт,
И ты, прохожий, будешь всем обязан
Тому, кто кровь твою, и жизнь, и душу пьёт.
Кинь пяточок! Укоротишься спешкой,
За сердце в розницу цена – цена за всё:
Кинь пяточок! И убегай, не мешкай,
Стол секретарский, как ковчег, спасёт.
Ось подаяний и надежд, как шпагой,
Страну мою пересекла. Салют и вой
Друг в друга влюблены. Не в унитазы, в флаги
Рыгают рыцари вниз головой.
Кто подаянием ушёл, а кто был зачат
Намереньем благим, и шапочный проём
Нашёл в пути... Не бесполезно, значит,
У той подземки, чуя куш, менты маячат:
Бегущим – нищий, шапкой деньги подаёт.

Любовью к... ненависти питаются кошки. В домах кошатников и в тюремных бараках – Умелые руки, двойственный разум и слабые души.

Религиозные уродцы Ползут, как черти из колодца, – Свои подобия плодят. И все их «истины» в обиде, И все друг друга ненавидят, И о любви все говорят.

Два царя, надев перчатки, Рушат старенький забор: Нынче новые порядки Страхам всем наперекор! Охраняемые царства Безграничны, как одно: Вместе плакать и смеяться – Так теперь заведено. Дружно лепят из песочка Для принцесс своих, фрейлин... Двум царям по пять годочков, А принцессам – лишь по три.

Он перешёл через свою пустыню.

Один. Туда, где вовсе никого:
Ни сотрясения, ни вещи, ни святыни,
Ни жаркой дружбы, ни врагов.
Один. Ни света нет, ни тени,
Свобода форм приветливо пуста.
Песок ума. Песок мгновений.
Песок на сомкнутых устах.
Но жив. Без окриков оглядки.
Он – сам! И без опоры на мечту,
Он пересёк судеб порядки –
Пустыню нравов. За черту
Перешагнул. Один, как проклят.
Не скорбь, не крылья гордеца –
Вдруг обесмыслен, обездолен:
Не вопрошать, не восклицать.
Сточились в пыль путей заветы,
Лета стекли, как стеарин.
Отныне он – пустыня эта!
И нет в ней путника. Один...
Вином утех, иглою риска,
Игрою в тяжести, в колокола,
Родством отравлен разум близких,
Там, за чертой. Плывут слова:
Они – не он. Глаза без горизонта
Насквозь провидят точку бытия.
Звук омертвел. За кромкой ноты
Как у причала, ждёт ладья,
Уже готовая к немому вознесенью
В немое нечто, в хоры тишины,
Туда, где в зёрнах затихает время,
И Одинокому – подобия видны.

Рискуя вдохом, шёл он без оглядки,
Рискуя выдохом, он обернулся вдруг...
Пустыня съёжилась. И замелькали пятки –
Он побежал обратно в мерный круг!
Лавчонка деревенская. И детки-крошки.
Без денег, зол и раздражён,
В земле по горло, по макушку в прошлом –
Со всеми он. Но он – чужой, чужой.
Стекает с рук всесилие пустыни,
Он на язык молчащий свой опёрт,
Жена в постели произносит имя,
Но кажется ему: язык её – копьё!
Копьё и посох... Знаком крестоносца
Его смирение враждует тут и там,
И – ненависть плодит. Нет, не зачтётся
В песок струящаяся немота!
Не перешли через его пустыню
Ни женщины, ни дети, ни родня.
Зрачки остыли, и на сердце иней:
«Моя пустыня – только для меня!» –
Но это ложь. Любое пробужденье –
Достаток стада, данный одному.
О, ветер воли и веществ сложенье!
Кого, уснувший в прошлом, обманул?
Зенит светил не познан, а назначен.
И сколько их! Замри! Обученная тень
Тряхнёт погонями, и идол плача,
Смеясь над плачущим, наполнит день.
Один... Так замкнуто и многократно
Предательство пути. Песок, песок:
Проклятия толпы, восторги платны,
И убеждений добровольный срок.
В пустыне табор губит ссора,

А кто один, тот в мире сам с собой:
Ушёл один, один вернулся – скоро
Уйдёт опять. За той водой живой,
Что плещется в аскезах дали;
Ткни посохом – прольётся: пей!
Он возлюбил пустыню, но едва ли
Он – это он, покинувший людей.

Как в клетку с тигром – дружбы высота,

Дающая любовь, а не влюблённость.
О, женщина! Возвышенная холодом звезда,
Желанный свет, в безрукости моей продлённый.
Игра в спокойствие – тревожная игра!
Недо-живание и недо-земность встречаемых
Переплетений тех, как обретенье прав
Пути земного на досрочный – Млечный...
Вонзятся в разум диалоги света,
Войдёт укол в сердце, как наркоз,
Порыв огня. Но ты – уйдёшь бесследно:
Ответ, похожий на немой вопрос.
Зачем томится в путах благородства
Зверь, ощущающий неодолимый зов?
Зачем необитаемый, пугливый остров
Богиня дружбы охраняет, как любовь?!
Прямых речей недостаёт. И веры
В прикосновения. Цель неуклюжих дел –
Друг-женщина... Два зверя первых
Путь Млечный пробуют на ледяном кресте.

Точность, рожденную случаем, сможешь ли вновь повторить? Так ли длинна вечность мига, если вечность твоя - тоже миг? Тишину создающий, чем наполнишь ее, не солгав?

Крахмальный покроя обретаемых истин

Даёт разумению форму. Как гроб.
Жалеющий жалких, от жалких зависим,
Калек возносящий – он нищих холоп.
На первое место воздвигнута слабость,
Возвышено скорбью падение к ней!
Поющего горе, слезой как усладой,
Венчает причастие к аду. Бедней
Быть может, пожалуй что, шляпа почивших,
В которой танцует, как гадкий пятак,
Геройство посмертное, низкая пища
Души ненасытной кровавых гуляк...
Он будто бы лишний, ещё пересмешник,
Беспамятный мальчик, живой кое-как,
У гроба крахмального сам себя держит
И клятвы даёт безответному... Флаг
Есть признак пристанища честности лживой,
Где боги реальны, пасущие скот,
Они где-то здесь... В лагерях и режимах
Утробные гимны камлают восход.
И жалкие жалких плодят в исступлённом
Походе, их жалость сквозит из зеркал,
Въедается в уши, иглой закалённой
Впивается в почестей плоть. Тронный зал
Царей, покалеченных саможаленьем,
Плодит пьедесталы. На льготный засов
Задвинуто сердце. Им мерой прощенья –
Петли накрахмаленной ворот готов.

Горшок с землёю, семена и дождь – Всё это есть простой природы данность. Иная данность – нити садовода, И ножницы его, и прихоть формы.... Ты хочешь будущего? Ну, так дай возможность Ему на новые опоры встать!

Раздёнся, скрипка! Тишина вокруг

Стоит, господствуя неизъяснимой нотой.
Жизнь на миру красна! Высокий труд –
Кормить собою ангелов голодных.
Как волосы, сквозь пальцев гроздь:
Текут, текут... Так и течение звуков
Пронизывает сквозь, и как на ось,
Миг восхищения спускается в разлуку.
Закрит до срока броневой футляр,
И девственный смычок струны не знает,
И демиург вещей, переиграв рояль,
В «фа» запредельное, мизинец не вонзает...
Благословенна власть неизречённых сил:
Преображён звучанием в святимость
Ревнитель пагубный земных точил,
Уже отдавшийся в надземный минус...
Раздёнся, скрипка! Тишина течёт,
Изнемогая, соком чувств и ожиданий.
И – побеждён футляр, как старый чёрт:
Защёлка сорвана! Здесь всё ничьё!
Струна готова для земных перерезаний!

Из круга старт, а гонка – по спирали: И вниз, и вверх... Раскопки подтвердят: Да, эти чудачки существовали, Пока до точки – не изрекли себя.

Хотите что: любви, или суда? Суда, суда! Тут и виновник, и трепач пугливый, И деньги тут, и межевая борозда... Любовь – не судит: что не справедливо!

В слиянии яна и иня тенденцию власти гляжу: Раб выбирает рабыню, а господин – госпожу.

Тепло! В этом сезоне вновь женится друг мой. Четвертый раз одуванчики нынешним летом цветут.

Птенца лишая скорлупы,

Кто запускает гонку
Самоубийственной судьбы –
Губить и рвать, где тонко?
Инстинкты, злые мастера,
Слепцы, но вызревают
Птенцы. Торопятся: «Пора!» –
И падают, взлетая...
Жизнь – это рост. О, лилипут,
Гнезда певец небесный,
Он сам ломает скорлупу
Мирка, где стало тесно.
Кого свободой вознесло
И положило в ветер?
Того, кто жив судьбе назло!
Лишь там, где трудно, рвёт крыло
Легко завесу смерти.

Как сладки проклинания в аду!

Здесь справедливость ходит – в чёрном:
И чёрный бог здесь в бороду надул
Пророчества про обречённых,
Про голый страх, про ворога и чудо
Продлённых грёз – тысячелетний фейк!
Да ловким чёртом славословий удаль
В чертог золотой заманивает фей.
Там кровь лакают и едят тела.
И тьма так велика. А ложь, как солнце.
Смиренна чернь. И в чёрные дела
Идут, не думая, доверчивые овцы...
Чернее чёрного судейский слух!
Проклятьем вскормленный, он множит

И зависть чёрную, и злых старух,
И жадности озноб подкожный.
Проклятия – валюта мертвеца.
Чернила льются из писаний чёрных...
И чёрным красят здесь любого молодца,
Но! – обеляют подлицов почётных.
На чёрном чёрное едино всё:
То понедельник чёрен, то столетья.
С цветных экранов чёрным карасём
Последнее плывёт известие.

Язык взбесился! Кафедра что трон...

Внимающий дожил до запустений.
Тьмы проповедуют! Пекут диплом,
И деньги им нашёптывают: «Гений!»
По барабанным перепонкам – барабан! –
Отравленных ушей непроходимость
Итоги жития в глухой заводит банк,
Лекарство подаёт – процентов милость...
Ты слушай мир. И – выслушает он.
Себя. Других. Перемолчит кричащих.
И петухов поющих. И – порвёт диплом
О гениальности твоей ненастоящей.
Возможно ли?! Ответ известен:
Рот голый, как натурщица... Вопрос!
Знак разговора, лжив ты или честен,
Уже не важен. Слух – зарос.

Закрой глаза: вокруг тебя – богато... Так хорошо быть настоящим! Ну, чуешь пустоту? Ты плавал в ней когда-то, Как эмбрион, счастливый и молчащий. Ну, вспомни вихрь: рождённый в меру, Глаза кормил ты золотом и пищей. Как взгляд тяжёл! Перегорают нервы. Душа парит – утопленника ищет.

Назови мне свои перспективы:

Изнутри и снаружи – масштаб?!
Карьеризм? Заграничное диво?
Дело каменщика в мечтах?
В ускорителе лет, как бозоны,
Люди мчат, зажигая звезду...
Неужели вещей горизонты
Горизонты творца превзойдут?

Пока не разбито корыто,

Пока тянут сеть старики,
Открытия – входят в открытых.
А взломщики – рушат замки!
А взломщики режут на сканы:
Волнение эфиров живых,
И – поднимают стаканы
За здоровье рыб золотых.
К корытцу весёлая молодежь
Спешит, демонстрируя прыть:
«Открытие надо б присвоить!»
Что значит: рыбалку закрыть.

Важный дядька важно тьявал. Отчего свихнулся он? – Человек завёрнут в тряпку Со звездой или крестом! То он в кителе военном, То из мантии торчит, То в костюме обалденном Дипломатию строчит. Скука в кукольных нарядах Звонкой куколкой живёт. Тряпки тьякают. И рядом Дядька – тряпок кукловод.

При слове «святость» стоит оглядеться: Рога – поблизости. Найдёшь: И несвятое своё детство, И несвятых святошек ложь, Царя в духовном голодранстве, Благочестивцев не благих, И самого себя, засранца, Святого – более других.

Их казнили по пояс, беспечных и юных,

Их закутали в танцы, в постели, в еду,
И гаданьем на гаджетах, словно на рунах,
Накрошили желанных картин лебеду.
Под мелодии труб, неживых, бездыханных.
Под машинное пиршество и колдовство
Погребальная ночь в нарисованных храмах
Обнимает казнённых. Но что из того,
Что садовник осмыслен? Что девочка в джинсах
Любит быстрые блики, осколки, бега,
Новоявленный сленг, кабинет массажиста...
Ну и что из того?! Ведь кентавр так богат!
Он свою половину с казнённой находкой
В четвероногие вяжет узлы,
Мегапиксельный мир субтропической фоткой
Восстаёт позолоченным сном из золы.
Их казнили по пояс,
восторженных и добровольных,
Чепуху возвели, как царя, на престол.
Умирают пророки... Цена им: «Прикольно!» –
Не поднимется в крону обрезанный ствол.

Двенадцать месяцев неслись в затылок,

Не помня старт. Не финиш, а финал –
Двенадцать раз... Смотри! Она забыла
Как август факел клёна поднимал,
Как на верандах, освещённых маем,
Снега бесчувствия сменяла речь,
Тобой журчащая. И ночь взывала лаем
Соседской суки – в полнолуние лечь.
Она забыла, как в переворотах зимних

Клубились простыни. А снег босой
Так ластился с утра! И день резиновый
Был беззаботен, как погостный сон.
Двенадцать стрел ромашки вечной,
Как лепестки, срываются, летят,
Черёд их краток. Застилает просторечье
Слогов возвышенности в тех календарях.

То слов, то музыки ужасное вино,

То тишина, то искушение талантом...
Неведение рождает ведунов,
А вседозволенность всезнайства – дилетантов.
Барьер вопроса поднялся не высоко,
Любой ответ – перешагнёт, не охнув:
И неподкупность сана, и балкон...
Какая разница, как восклицающему сдохнуть!
На двоеточия сменить бы знаки все:
За ними – перечни, инструкции, уставы.
Конкретность правил, а не чувственный запрет
На оскорбленье безголовости двуглавой.
Власть дилетантов ведунов боится:
Слова их, музыка – не заплелись бы в силу!
Птенцы! Оперившихся гербовая птица,
В гнездо ответов помещает, как в могилу.

Надежды нет, и не было, и будет вряд ли – Два жутких маршала
распиливают свет. Гипноз гниения, кровавые порядки Сжимают
клещи. Плюс губительный совет: Спасенье – в выборе! И сученные
падлы Спешат отдаться в супермаркет или в храм. Повсюду хам
и хлам. Закат в исчадь алом Исхода ищет, мантру повторяя: «На
хера?!» Надежды нет, и не было, и будет вряд ли. Садись за стол,
найди любимый фильм, На даче, вон, сентябрь ползёт под грабли:
Живи да радуйся! Не бомба бог, и жлобство не фитиль.

Пир завершён. Объявлена чума.

Вино похмелья – из гноя:
Запрет! Запрет! Закон сошёл с ума,
Опасный, как сбежавший параноик.
Он бродит, кровожадный, по стране,
Он поедает небеса и землю,
И страшной манией измен
Он одержим в своём похмелье.
Он пытки любит, вырывает языки,
В пустые уши заливает зелье,
Вину смакует и детей зрачки
Экраном – превращает в бельма.
Живым он запрещает жить!
Плоды труда утоплены в налогах.
Бессовестный, он на тебе лежит,
Насильно раздвигая ноги.
Трагедий семя сеять не запрещено,
Слепая вера – в комедийной маске...
Чума! Пир выбирает президента,
Кашеюшку с повадкой барской.

Ты видишь? Кротовой норой безвременья

Шныряют легко, из застоя в застой,
Кровавое счастье, слова и каменья,
Восторженной мезтью летящие в бой.
Былое с грядущим в одном уравнении
На кладбищах времени память пекут:
Во славу молчащих звучат песнопения,
Во имя грядущих сеть прошлого ткут.
Владельцы бессилия, сгнившие заживо,
Часы перегрызли зубами икон...

Из мёртвого века, как будто сквозь скважину,
Передаются запреты на жизнь. Вот закон,
Процессом огня возводящий гангрену
На место всеядного тлена и трон.
Здесь мёртвое царство! Живые в аренду
Берут как свободу судьбы самогон.
И пьют безвременье стаканом, ковшами,
Будильником утренним, ссорой с детьми,
Историю меряют длинами шрама,
И справедливость взрывают, как динамит.
Да что там часы! Как в компостную яму
Века провалились... Кротовой норой
Соединяется канувший век окаянный
С нынешней новой, но той же – дырой.

Зима в душе. Бумажный ситец,

Метели цифр, казённый дом...
Но стал опасен стиховидец,
Как свет весенний надо льдом.
Он видит взглядом говорящим:
Конец мучениям! И цвет
Кипит сиреневый, бурлящий...
Но вновь опасен стал поэт.
Он предрекает птицам осень,
Плодам – падение, мороз.
Косой бумажною он косит,
Как стебель, времени вопрос:
Зачем четыре поворота
Стрелу судьбы кидают в крест,
Куда идёт круговоротом
Овеществляющийся Текст?

Им слюни заменяют мозг,

А силу рук – язык проворный.
Сливается в планшета образок
Дитя, как богомол покорный.
В раю нет времени, и за чертой –
Несуществующего уж не существует...
Раскрашенная злачность «фичи» той –
Картинка вещая! А вещи – все.
Кто может «схватывать», ему ли знать
Упрямство повседневных тренировок,
Где нам дано о пище забывать
И замолкать перед Творцом творений?!
Слепые к сути приравняли лоск,
И тонут в бесконечности повторной:
Им слюни заменяют мозг,
А силу рук – язык позорный...
Да, я ханжа! Как бесполезный быт:
Ворчлив не потому, что невозможен,
А потому, что понимаю стук копыт
И смерть Творца – от детских рожек.

Под знаменем снов, под пятой декаданса

Проиграно всё: небеса и земля...
Судьбы статуэтка, душа из фаянса,
Упала, разбилась. Средь тихих селян
Проклятого времени, тошной равнины –
Не сыщешь отныне наследников. Но!
Всё ярче искрятся муллы и равнины,
В канун разрушений торгуя канон.
И это – предвестник посмертного счастья.
Коленопреклонный, безумный восторг

Разбитую душу хватает и к пасти
Своей ненасытной несёт. На порог
Садится старушка, с кошёлкой, с косою,
Внимательно смотрит, противно молчит...
Включи телевизор ей! – Рядом с тобою
Румянится речь калачом из печи.
Старушка войдёт, обернётся женою,
Мечты подметёт аккуратно. Вот так
Возникнет поместье твоё окружное,
И шалость – в безвизовый омут, в кабак,
В унылость любовниц, в тупую растрату
Ветров бытия на послушную пыль...
Купи себе клей. Статуэтку обратно
Слепи и поставь. И тверди: «По-зи-тив!»

Мне снится музыка! И в музыке – я жив!

Преображённый в плоть дрожаний,
Бегу по воздуху, где предо мной бежит
Горящий светоч, ангел возмужаний –
Заложник высших помыслов и нот.
Он спотыкается! Сей век-артист
Зовёт его к себе, назад, в обход.
И – спотыкаюсь я, проваливаясь вниз:
То снится крик, то тишина вещей,
То воздух кормит, но уже не держит,
То музыка моя в чужом плаще
Истоки – светоча! – на огонёчки режет...
А города поют! А дирижёры спорят!
И поколения глотают ритм,
И нота верхняя берётся – горем!
И падает, поющий горе, Рим.

Секунда за вечностью мчится,

Минуты спешат и часы,
И годы, как привкус горчицы
На ломтике колбасы...
Поглотятся многие лета,
Взовьётся иная звезда,
И только секундочка эта
Останется жить навсегда.
Привет, плодородное время!
Забывтый, забвеньё пойму:
Прощай, кладовщик. Повтореньё
Мгновениям ни к чему.

Когда и зверь очеловечен,

И правит тот, кто ослабел,
Исход с началом ищут встречи,
И – замыкаются в судьбе.
Их переход через пустыню
Подобен миру и войне:
Двойная жизнь, двойное имя,
Гражданство, данное извне...
Исход с началом – те же, те же:
Самцы о подвигах трубят,
Покрыты хаосом надежды,
Как колокольни в голубях.
Вода ушла. Зрачком агата
Движеньё лишь повторено...
Пустыня мудростью богата:
Рожденьё смерти здесь равно.

- Ты кто?
  - Вечность.
  - А что у тебя есть?
  - Ничего.
  - Время? Вещи? Деньги? Мечты? Воспоминания? Желания?..
  - Ничего.
  - Хм?! Значит, тебя нет.
  - Это тебя, временного, нет. А я – Вечность.
-

Цена, цена... Цена убила ценность!

Что продаётся? Знаки пустоты!
Разбит на суету, душой не целый,
В нецелом разуме покоя ищешь ты.
Но, не найдёшь... И факт самих исканий
Преступен нынче. Видишь подлеца?
Он первый в ценнике имён. И крайний –
Искатель ценного. В лице тельца
Читается: здесь Божьим сапогом
Бессмыслица прошлась следами оспы,
Многозначительность кругом:
Ягнят молчание, совокупленье в толпы,
Знамён смешение, знамений ложь –
Всё это есть бесформенная норма,
Плен содержаний, продаваемых за грош,
Суть оправданий. Короли содома
Тебя не чувствуют уже, не обладают эхом
Родительских наказов. О любви
Толпе рассказано с экранов. На потеху
Мир сам с собой многосерийно перевит.

Лучше уж больным ехать в поезде жизни, чем устало сойти и навеки
остаться больным на её полустанке...

Как зовут тебя, милый дружочек?

Почему ты сегодня один?
Мы сейчас нарисуем кружочек,
За пределы его – не ходи.

Там внутри, обещаю, найдутся:
И кино про любовь, и друзья,
И волшебные дети в капусте,
И советчик заботливый – я.

Видишь, опыт намотан на усе,
Или око пророка, что шприц?..
Ты не спрашивай, как я вернулся
Из свободы – в свободу границ.

Даёшь свободу содержаний!

Даёшь бесформенный реванш!
Победоносцев недержанье
В толпу сливается: «Крымнаш!»
Лежит с историей бесплодной
Бесплодный идол – протокол...
Свобода скована свободой –
Творить «законом» произвол.

Существование волн воде понятно. Существование волн понятно ветру. Вода и ветер в сущностях различны – Им одиноко в глубине своих стихий!

**Се человек! Любые гвозди – гнутся! Язык его кошачий – трёт слова...
За всё берётся от большого чувства, Да ремесла во всём – едва-едва.**

Любовь не понимает превосходства,

Сравнений, просвещённый глас:
Она – слепа. И только посох острый –
Её молчание – как путь, нанизывает нас
На бесконечный вход в её победы:
В простые будни, в скуки красоту,
Когда, хлебнув борща, живот, как медный,
К кровати катится... Да, где-то тут
Она, прозрачная, неслышная хозяйка
Собой смиряет возгоранье дня:
И грусть, и словоблудий злую накипь,
И копоть от житейского огня.
Слепая девочка, что заставляет зряче
Смотреть на демонов, летящих с языка.
Прекрасная! Тебя ль тюремный мальчик
Узрел, освободившись от зеркал?
Он вычислил тебя, ныряя в схемы,
Буравясь сквозь полярную пургу,
Он доказал тебя, как теорему –
При жизни возносясь в надземный гул!
Но шум утих. А посохом молчанья
Уже вдвоём выстукивают путь
И мальчик тот, и старей-старый чайник...
Да огонёк, который не задуть!

Смотрите! Звёздочки, как мотыльки Пыльцой сорят – мерцанием далёким. «Мы долетим!» – клянутся земляки, Сонм саранчи, упруги и легки, И даже назначают сроки. Пока заочно. Но уже занесены Тьмой познающей многоцветье видов В гербарии наук. Жаль, не видны Тем мотылькам технократические сны – Питающихся светом инвалидов.

Поднимите людей с коленей!

Дайте спины им и глаза,
Дайте собственный мозг и время,
И ступени, и чудеса.
Поднимите людей с коленей!
Что важнее для бытия:
Восхищаемость оздоровлений,
Или скорбности трупный яд?!
Поднимайтесь и поднимайте,
Недомерками не становясь, –
Верой созданный математик,
Верой спаянная власть.
Почему на станок для пыток
Все надежды вознесены?
У разбитого вдрызг корыта
Почему быть должны равны?
Храм, похожий на супермаркет,
Страх менеджера-поводыря,
Суицидной молитвой замкнут
Громоотвода штырь...
Поднимите людей с коленей!
Выньте чувство их из вины.
Поднимите! Пока их гений
Не опустил остальных!

Восстали мёртвые! На дух пошли войною! Конец времён: порядок и финал – Любая ценность подменяется ценою, И отражением убит оригинал.

Нас ожидание растит и тянет.

Твой тайный свет из омота рутин –
Из ожидания, – как джинн, восстанет:
И раб в тебе самом, и господин.
Внимающая высь создаст поэта,
Внимающая подлость – подлеца;
Джинн так велик! От тьмы до света:
Что ожидать, что стоит отрицать?
Вопрос! Но в нём же есть подсказка:
А сам-то ожидающий каков?!
Ты – господин? Иль рабская заявка
Приносит то, к чему ты не готов?

Следим из кресел, как из башен:

Экран погонями б мерцал!
Круженье страшное – не страшно:
Мертвец стреляет в мертвеца!
Под пиво! Ужас говорливый
Из всех щелей уже блажит,
И замирает дух пугливо
И в удовольствии дрожит.

Младенцу в утробе наваяны странные сны: машины и знаки, слова и картины... Младенец не верит, что скоро во всём этом жить предстоит. Рождённый, уверенный, взрослый, он сны продолжает смотреть! Но так же не верит: что скоро во всём этом жить предстоит.

Как быть?! Пришли, юны,

Законы мира и труда:
Солдат остался без войны
И богомолец – без Суда.
Зачем напрасная судьба
Дала не злое счастье?
Солдату – смерть или труба,
Рабу – печалей кастинг!
Как быть? Опасная пора:
Юнцы свободу ищут.
Их щедрость больше, чем разврат,
Для ненависти – пища.

Произошло. И – слава Богу.

Ждать, как в безбожии висеть...
Нам дальше жить. А ей – в дорогу:
В потерях памятных светлеть.
Накувыркавшись в блудном мире
Богиню Бог, как шкуродёр,
В свою берлогу тащит. Шире
От поцелуя с Богом взор.

- Вы меня не поймёте.
- Почему?!
- Вы не психиатр.

Короткий, правильный разбег, И – взлёт: привет аэродрому! Жизнь, посвящённая себе, Не посвящается другому. Ура! Цари в небесной ложе Всех смертных выше, и грозы... Но! Приземлиться невозможно – Свободной нету полосы.

Масон перед смертью поведал

Про Князя. Мол, создан был встарь
Бездушный слуга людоеда –
Купюра, бумажная тварь!
Пожравший народы и совесть,
Купюра, певец тираний,
Ревнитель религий и крови
Продажные души хранит.
Не кончится тварь от сомнений,
Безжалостна к тем, кто с ней рвёт:
Ни хитрость, ни светоча гений,
Ни пуля её не берёт.
Согласен и трезвый и пьяный
Идти людоедской тропой –
Подменой живых состояний
Обходится знак колдовской.
Для твари нет мысли крамольней,
Чем жить без посредника смель,
Что только любви добровольность
Для чудища жуткого – смерть.
Век новый людьми отобедал,
Рыгнул и, продавшись, упал...
Масон перед смертью поведал
Про Князя. Но – клад закопал.

Поэта слушатель рождает. Не веришь? Автор, охмурев, Не спермой – строчками крапает В бумагу, в небо, в ушки дев. Он ко всему теперь причастен, Готов, услышанный, летать. А если нет приёмной части, Куда прикажете крапать?

Спрос рождает предложение. Высокое внимание порождает высокую речь.

Глаза закрылись. «Слушай в оба!» –

Каким пронзительным стал слух!
Собор имён – границы гроба,
Где имена свой счёт ведут:
И парты школьные, и музы,
И астронома каталог,
И экспедитор с тайным грузом,
И на слова разбитый Бог.
Ты слышишь? Яростною кистью
Смысл перекрашивает смысл,
И голос прошлого – завистник
Ворует весь: повадка крыс!
Борец имён и их звучаний
Игрою огненной продлён,
Как пар в котле. Не взять очами
Бурленья временных имён,
Как грим они... Проживший – прожит:
Через мундир, через графин!
Закрой глаза... А то не сможешь
Назваться именем своим.

Бесправные нравственно в праве диктата,

Истоки запретны. От следствий дано:
Романтика гибели, слава заката,
Собор беспричинных героев кино,
Большое оружие, крылья и речи,
Сияющий фюрер с улыбкой змеи.
Воссозданы знаки, забыты предтечи,
И пьяницы делят страну «на троих».

Слово за слово, в связи бессрочной,

Так умно заплелись. Но умней
Восклицание капнуло точкой,
И, как шило, повисло над ней!
И – воткнулось, что пошлая порка,
Как безвкусица, или порок
В созидательность фраз. И пророка
Погубил не палач, а восторг.

Чулан. Журнальчик прошлогодний

Нашёл однажды землероб:
Нагие девы, зад в исподнем,
На фото срам, как небоскрёб...
Сноб нестоличный подытожил,
Не азиат и не еврей:
«Земля в провинции надёжней
И небо близкое щедрей!»
Поссал с крыльца, перекрестился,
Котёнка «сукой» обозвал,
И спать пораньше закатился
На обветшалый сеновал.
Уж там с соседкою нахальной
Довёл он ночь до дележа.
Но! Образ куколки журнальной
Перед собою он держал.

Зерно потеряно. Ость восклицания вонзилась в око. Отец ослеп. Преображённый в боль, Роняет слёзы он; молитвы, как занозы, жгут и колют... Кричат молеельщики: «Отец! Отец!» – неутомимы.

Четырнадцать!

На паспорт фото сделал,
Жив радостью в задоре молодом:
«Три на четыре» – голову без тела –
Приказано снести в казённый дом.
Сто тридцать три!
От фото отмахнувшись,
Судьба казённая с расчётами – на вы.
Приказано отдать куда-то душу –
Без тела и без головы.

Мир бесконечности – загадка колеса:

Фигуры самозамкнутая смелость.
И так во всём! Прекрасен жизни сад:
Не окончательны в нём чудеса –
Словами музыку не описать,
И нотами чертёж не сделать.

Убили! Убили! Государство убило Родину. Цифра убила слово. Порядок убил порядочность. Образование убило воспитание. Религия убила веру. Самолюбие убило любовь. Душевность убила духовность. Украшения убили красоту. Убили, убили...

Чем меньше времени остаётся на жизнь, тем больше его расходуется на оправдание этого дефицита.

Настоящая терпимость – это власть силы, причём, силы абсолютно бескомпромиссной! Именно компромисс укрепляет всеядный сорняк и ослабляет уязвимое семя культуры.

Пожалуйста, давайте без посредства,

Ведь наши души – верная родня,
Пасутся мысли наши по соседству,
Валютой сердца – песенки звенят.
Доверие обходит все налоги,
Любовь не понимает «договор»,
Судьбы не подведённые итоги
Работают, как сказочный мотор!
А я тебя люблю, о Незнакомка!
Покрылись крылья перьями любви...
Ах, не дыши в смартфон, в нём нету проку,
Ведь я готов быть воздухом твоим!
Грызут друг друга злые паразиты.
Гудят вокруг спектакли ни о чём,
В делах не люди, куклы позабыты;
В базарах жизни главное – «Почём?»
Но только шаг – и сразу же найдётся
Тот, что из зеркала так весело глядит,
И в горы, непонятный куклам, прётся,
Или за книжкой умною сидит.
Взаимное сокровище народа
Без золота и депутатских Дум.
Друг друга мы поймём без перевода –
Через улыбку, или доброту.
Доверие обходит все налоги,
Любовь не понимает «договор»,
Судьбы не подведённые итоги
Работают, как сказочный мотор!

-
- Такое впечатление, что кто-то помогает тебе во время письма.
  - Друзья: Пушкин, Сократ, Шекспир, некоторые вообще не отсюда...
  - Ага. То есть, это они пишут, а не ты?
  - Ну почему. Я ведь им тоже помогаю. Друзья!

Что должен говорить пророк, когда разврат ликует?

Неужто звать к любви и рисовать
корявым посохом,
За нитью нить, сеть конституций?
Сквозь картины Босха
Нагую Еву переводить и сохранять?
Гранотомётом грохать?
А, может, жить, как мим, заёмным смехом
затыкая бронхи?
Он знает то, что поразило взгляд
и разложило связность:
Потомки кончились! Представить это легче,
если память
В круговороте слёз застынет в прошлом.
Змей безглазый
Уполз из сада и украл ошибки.
Повсюду нарисованное пламя,
Сверхпроводник, гудящий в супермаркетах,
питает разум.
Бог престарело спит с подружкой,
ветреной и милой –
Болтливой музой, повелительницей слов...
Рога наставил
Счетовод, создавший время и
с цепи навек спустивший
Трубящих ангелов. Их ненасытность
не имеет правил!
Хранитель семени иного дня отныне враг.
Бог – лишний.
Убийцы святы в детских колыбелях,
и матери детей целуют,

Давая выдохом, как яд, короткий выбор:
узы содержанья.
Орудие убийства – хамство бедняка,
или всезнайства буря –
Готово к действию: в родстве, в пути.
Убитые уста зажалась –
Суда для неподсудных нет. И самосуда тоже.
Что, несомненно, жаль.
Потомков, это правда, не случится там,
где каждый (каждый!)
Примкнул к певцам:
покойников, литературы, цифры, партий –
Бесплодно счастье в замкнутом спектакле.
Убийца дважды
Убивает: покойников, литературу, цифру...
Он порождает братьев,
Изображённых по мотивам бывшей жизни,
послушных, кстати.
Принадлежать себе опаснее всего!
Убийца – страх толпы,
Поспешно воплощённый в моду:
хотеть того же, что и демон,
Внушивший путь – на свет, на тьму,
на право созерцать свой пуп.
Какая разница? Себе принадлежащий лишь
пройдёт сквозь стены.
Рабом идей, желаний, вер или умений –
убийца входит в новое колено.
Магично слово там, где нет посредства между
Отцом и говорящим чадом;
Молитвой лампа фараона зажжена –
погашена убийцей веры.
Слова творят жизнеплетенье,

а счетовод в тени Отца имеет яды.
Воображением – охотничьей собакой –
владеет зверь, не ведающий меры.
Беспамятство как немота. Второе время
стелется под зазеркальной эрой.

**Предатель ошибок застынет в холодном расчёте и омуте самозабвений.
Чей знаешь взгляд? Кого назначаешь для роста в своё превосходство?
Убийца утешился «сэлфи». Разбито умение знать на осколки презрений,
Где каждый (где каждый!) для взгляда отцовского – необитаемый остров.
Минувшее с будущим – дети. Потомков не будет.
Мир зеркалом собран. Пророки рисуют квадратную точку.**

Вот свежий урожай стихов,

Слова сближенье стелют,
Под сладостью грехов
Живое бродит зелье:
Вливайся, волю дай
Безмолвию прочтений –
Целующийся рай,
Расчерченный на время...
Пройдёт годов пятьсот
И садовод иной уж
Отведает тот сок
Заброженный: «А помнишь?»
Он тоже будет петь,
Иметь плоды и эрос...
И протрезвлённый в смерть –
Благодарить за щедрость.

Недостаёт обыкновенного стремленья –

Познать, как пищу, сопряженье дел:
Бежать со службы в дом, где разведут колени,
Где досыта, беспамятен и смел,
Целуешь грудь, предвосхитив младенца,
Уже готового соединить свой взрыв –
Двоих. Врата – кровать, выскрипывает скерцо,
И сердца рвётся кровяной нарыв.
Зачем же утром память, как осколки,
Уносит ветер злых календарей?
Назначу заново возлюбленные сроки!
А ты... придумай имена детей.

Речь обладает всеми!

А в ответ –
Надеется на прибыль в бессловесном
Рекущий формулы, несущий бред...
Кого-то выберет молчащая невеста?
Сражаются самцы на языках;
Речь первородная – неизречённость.
От мира
мир войною изрекал
Певец любви.
Но не прочтёны
Скрижали вслух, а, значит, миром
Вращает грохот нутряной –
Тщеславный помысел.
С задирой
Невесте бедствовать дано.

Забудь историю! В ней мало

Правдивых сцен и верных слов.
Лоскутным, ярким одеялом
Прикрыта бедность школяров,
Зубрящих выдумку чужую
В забеге баллов, в трате лет –
Торгаш историю междует,
Кивает вдаль, рисует след.
Страна, как нищенка. Зачем-то
Холодный мозг детей своих
Воспламеняет кинолентой
Чужой и пагубной, как вихрь.
Учебник лжив! Секут «под бритву»
Родную память дурачкам,
Любой окрашенных палитрой...
Эй, кто есть жив? Внимают «бритты»
Сверлу учителя-сверчка.

Пожизненный, неотменимый приговор:

Сдавать оброк – рифмованное чувство.
О, сердце бедное, умелый, хитрый вор
Плоды сближений консервирует – в искусство.
Но для кого готовится сей склад,
Кому нужны переживания из гроба?
Пожизненный, неотменимый раб –
Душа, поющая не радость, а хворобу.
Оброк печалей копится, шумит:
Кому дано, даётся ещё больше...
То сахарит печали, то солит пиит –
Запасы копит, воровством тревожит.

Богатырю бы уголок укромный, Да хлеба с молоком, да тишину в залог: Величина без величаний дышит ровно. Величие с одышкой – тяжело!

В стране воров ценили: честность,

О правде всякий разговор,
Четвертовать – знаменьем крестным,
И стрижку делать – на пробор,
Надменной фиксой иль кокардой
Путь освещать и освящать,
Гордиться сходкою, парадом,
И – ваксой праздник начищать.
Да путать исповедь с доносом,
Да свод понятий, словно храм
Питать пожизненным вопросом:
А кто не вор, кто не тиран?
Украл-покаялся: блаженен,
Острижен правдой разговор...
Страну в совместном изложении
Четвертовали царь и вор.

Язык народа – дом народа,

И если дом не побережь,
Дверь упадёт, и рухнут своды,
И одичает речь.
Растём на собственных уставах:
До высшей музыки, от лаптей!
Язык народа – это право
На восхищение детей.

Одиночество – это мальчик, поставленный в угол,

Это пляшущий нож под рукой,
или водки стакан,
Праздника ось календарная,
ццзарево сменного друга...
Да речь безвоздушна...
Да взгляд, опускающий время в закат.
Преодолей меня, чуждого, чуждая, резвая сила,
Дай забытьё, словно книга,
соткавшая разум иной,
Зеркало с зеркалом – память и грёзы сразились.
И отразилось мгновение в чувстве сквозном:
Бездумно тянуться, туда, словно рыба на нерест,
К истокам хрустальным, где молодь и смерть
Смеются в потоках.
И листьями светится шелест
Дерев поднебесных, и надо б надеждою тлеть!
О, как одиноко запутаться в собственной воле,
В несобственном мире
капризных служанок любить,
Считающих сизые грошики,
ласку дающие с болью,
Из теста застывшего могущих
чадо и мужа лепить.
Мой мальчик, ты вырос,
но вырос и угол сакральный;
Ответов не будет, поскольку вопрос – в никуда:
Зачем этот ход, этой веры замес нереальный,
Деяния рук и словесный нектар,
и синяя лжи борода?

Ответов не будет... В углах, одиноко и тайно,
Как змей, как животное в ярости,
взгляд восстаёт
Не вещей.
Злой голос ввергает в бездарность. Бояна,
Душа расцарапана, – кровь её красит, как йод.
Дано одному: сквозь пустыню
времен и соблазнов
Пробраться, протиснуться
мальчиком сквозь толпу
До неразбитого зеркала: «Жизнь прекрасна!» –
Воскликнуть.
И – спрятаться под золотой лопух.

Царица погостов, с устами как устье,

Пристрастна к вину и вине;
Печаль – заменитель сочувствия –
Любовь заменяет вполне.
В конторке, в каюте отшельника,
В законе, поющем запрет,
Печаль прозревает изменников –
Живых: им сочувствия нет!
Обряды как смерть просвещения
Подменю веры, под лоб
Стремятся... В купели «прощения»
Купаются демоны злоб.
Толпой анти-ритм иноходца
Зарежут... Их радость глуха.
Печаль кровожадно смеётся
Над грубостью пастуха.

Упали в тихое скрижали,

Как зёрна в грунт,
Земля обласкана дрожаньем
Высоких струн.
Вставай скорее из постели,
Восток – восторг:
Метёт зелёною метелью
Живой росток!
С ручьём кузнечика дисканты
Переплелись,
На зов заветных музыкантов
Ты отзовись.
Взошли скрижали. Вот тропинка
В молчащий бор,
В зубах с надкушенной травинкой,
Ты – дирижёр.

Дырявые головы зреющих маков
опустошаются ветром;

Утрата плодов – лучший
признак предназначений.
Но помни: не всякая смерть плодородна.

Везенье! Лампа Алладина Прикосновеньем не разит; Там, где любовь для всех одина, Хозяин счастья – паразит. Он властно сильными корнями Земные соки пьёт один, Он первый солнечными днями Лучам высоким господин. Но джинн, зевнув, должно быть, сдуру Над огородом сник, обмяк. Рукою страшную - культуры - убил сильнейшего: «Сорняк!»

Все знают: время справедливо –

Ложь с ложью делят жениха:
Жизнь только в юности криклива,
А в мудрой старости – тиха.
О время! Скатерть застилает
Октябрь, ветреный брехун...
Невеста морщится бывлая
Пред той, что рада жениху.

Жизнь – госпожа, а смерть – служанка:

Метёт, стирает, чистит кавардак,
Детей пасёт.
В полуподвале на лежанке
Скрипит зубами и мечтает так:

«Я – госпожа!
А Жизнь – моя прислуга!
Бог даст, над Богом сядет-таки чёрт...»
Хозяйку бывшую загнали в дальний угол.
Свобода – насмерть! – толерантностью сечёт.

Убеждённость страшна неумением сравнивать, Ценой самой жизни хранится любовь к неумению. Цветут убеждённые кратко в разорванном времени – До первых сцеплений с не первой эпохой соседа.

Эфир живой: пророк, или кликуша?

Не разберёшь в потоках суеты...
Что шепчет страх? О, все ль готовы слушать,
О том, что звёзды превращаются в кресты?!
Нет ничего, что чуждо разрушенью;
Преображённость – новая строка
Всё той же глины, из которой время
Слепляет недра, реки, облака.
Но как провидеть в том круговороте
Плодов движение: в мечту –
Поход удалый милых родин
За не кликушества черту?
Эфир живой: послушай и доверься
Бумаге, венику, смычку...
И, баню затопив, с соседкой грейся:
Жизнь горяча, будь начеку!

Как жаль! Ни шпаги, ни плаща нет,

Ни юной павы, ни коня...
Здесь лишь ушедшего прощают,
А остающихся – бранят.
Испугом, слухом, странным вздором –
Через беды крутой нажим –
В непостижимом царстве мёртвом
Герой не может быть живым!
Тут тянут горе нитью красной
Сквозь судьбы дедов и отцов,
И припадают губы страстно
К мощам почётных мертвецов.

Ты просто трус! Ты лгать боишься!

А это значит – замкнут круг.
Твердя о правде, пишу ищет,
Пожравший душу, лучший друг.
Ему ль не знать, как сердце бедно,
Как ищет дичь голодный дух?
Всё безымянно, всё бесследно,
В размахе лжи: одно из двух –
Упавший в выбор, мёртв отныне,
Убитый силою светил,
Он время выменял на имя,
И голос в камень обратил.
Так лги, божественно и свято,
Во благо странного пути;
Мол, есть за символом распятым
Мир, продолжающий мотив
Высокой ложью. Как избранник,
Наполнен друг. Люблю его
За оправдательность незнаний
И свет на кладбище богов.

Ремонт в квартире. Бедствие. Разруха. Реинкарнация вещей, углов...
Работник-девочка на дверь-старуху Натягивает краску. Варит плов
Седая бабушка на хмурой кухне, Скрипит словами, и сама как дверь:
Надеется на возрождение. Старухе Пожить ещё б, да потерпеть
теперь.

Зачем отдавать своё время работе, ученью, пространству? Шепчу в
твоё милое ушко, мол, жизнь помещается в жизнь! Сложения ночи
важнее дневных вычитаний.

Дракон дышал огнём из пасти, Другой дракон шептал: Сбылось!» –
Тела сплелись в косицу страсти, Да интересы были – врозь...

Сошлись невежество и благо.

В одну постель дитя и гад
Ложатся, чувствуя отвагу,
И в страсти – каждый виноват.
Здесь обостряются таланты,
Злом перед гибелью блажа,
Здесь душ незримые мутанты
С голодным разумом грешат.
Здесь выход лишь изображение,
Где рисовальщик – страх и суд,
Но мертворожденные тени
Туда идут, идут, идут...
В постель экрана, в сны и яви!
И гаснет тихое тепло.
Неужто плоскость обезглавит
Неповторимой жизни плод?
Входи невежественно, платно,
В расчёт, где боже толстобрюх,
Где так безграмотно приятны
Доступность – знания и шлюх.

Им жить осталось только в интерес,

Да службу с дружбой увенчать печалью:
Спектакль доигран. В отчестве воскрес
Тот имярек, что к тишине причалил.
Петрович для Иваныча – сосед,
Через плетень плетётся скука языками:
Шалфей полезен, мол, а телевизор – вред:
«Они нас, что, считают дураками?!»
Как пыль в деревне, – облако имён

Столичной бесконечной прыти...
Петрович – это пасека и свежий мёд,
Иваныч – клубней знахарь и политик.
Инсульт, инфаркт, панкреатит иль сглаз –
Им это интересно, чёрт возьми!
Слабеет имя в предзакатный час,
А отчеством здесь – каждый знаменит.
Вот шустрый бегаёт в малиннике внучок,
(Ему до отчества ещё – как до Олимпа...)
Мерзавец, рвёт штаны и мнёт лучок,
И учит подданных то хохотом, то всхлипом.

Воздуха! Воздуха мало!

Флейтистка, причина причин,
Взывает к причастию зала –
Играющий неизлечим.
Воздух в духовном недуге
Дважды – сквозь душу и рот –
Сеет на вспаханном звуке
Россыпь разбуженных нот.
Выдохом век обожжётся!
Причастность в поклоне скупом
Уйдёт, бездыханно пожнётся
Аплодисментов серпом –
Бог выпущен из поцелуя
С играющей девой, иной...
И флейта, флейтистку минуя,
Лечится тишиной.

**Когда рабовладелица уедет, звони, мой друг, немедленно, звони:
тряхнём свободой, как прежде!**

Смотри-ка! Волны бытия

Неизречённость преодолевают
Созвучно, даже умирая.
А чья-то кухня полевая,
Героев кормит: «Я! Я !Я!» –
Они бегут на зёрна эти.
И волны новые встают,
Иным созвучием ответив
На пики, бубны или крести –
В сопротивленьи бытию.
На кухне варится похлёбка,
А кашевар, он патриот,
Раскочегаривает топку,
Солит покрепче, и не строго
Кладёт бойцам живицу в рот.
«Я! Я! Я!» – как из редута,
Сквозь частокол зубов и слов
Стреляют сытые, как будто –
С передовой. Волною блуда
Штурмует разум веры ров.
Не тут-то было! Сон сезона,
Опять закончен. Бьёт волной
Рисунок будней, горизонты,
Закон. Уж время вне закона,
И мир уж варится иной!
Трясётся кухня полевая,
Не колесница, не обоз... –
Поименованность живая
Уходит. Но, не убывая:
«Зачем?» – качается вопрос.

**Большой вопрос всем миром поднимали. Ответ упал – всех насмерть
задавил.**

Так задождило! Дрыхнет кошка. Деревня мокнет бодрячком. Я не погибну. Есть картошка Лучок и пара кабачков. Я не погибну. Плюнув в глину, Свободу как бы уловлю, Свой телефон в комод закину, И сон ума благословлю. Вот электричество погасло, Уж мыши шифр передают... Всё дрыхнет кошка! Хлеб и масло – Припасы, верные припасы: Я не погибну. Я – пою!

Позор мужчине! В доме бедном

Богатство – колкости. Тиран
Глядит в прискорбии надменном
На воплощённый крах: на кран,
Что перемотан изолентой,
Страшён, как мумия надежд,
Что протекает жизнью бледной
В эмалированную плешь.
Чужой комфорт, пример соседей
Брезгливость к собственным стенам
Лишь увеличивает. Бредит
Слюной отравленной тиран.
О, правота! Тот мучим чувством
Кто справедливым судьей,
Разбужен. Истинный и грустный,
Куда ни глянет: «Боже мой! –
Любви тут нет!» Прокисшим светом
Струится старый абажур...
Лишь кот зажавшийся под пледом,
Доволен малостями. Жмур!
Никто не цел. Разменян, бедный,
Тиран на злых болезней дробь,
Да начисляет кран зловредный
Там баллы высшие. За скорбь.

Наказанный временем, страстью и речью,

Он – временно смертный – поклонник зеркал:
Бежит из конечных последствий в предтечи,
Как зек-безбилетник, пронзивший вокзал
Желанием счастья, предчувствием дома,
Безадресной радостью воли – любить:
Где ветер сквозь бронхи, и сказы про зону,
И нищенство высшее – грабить и пить.
Наказанный временем... Пастью картины,
Написанной кем-то свободным, он взят,
Размолот в беспомыслие, вытянут в длины
Палитры играющей. Не для раззяв
Окошечко кассы открыто. И поезд
Вот-вот для посадки прибывает, подлец!
От злых контролёров, по тамбурам кроюсь,
Часы и минуты стекают... Гонец
На корточках молится в дым сигареты.
Отрезанный разум к словам не пришить:
Чужие, чужие кругом километры!
А хочется много ли? Да, не спешить...
Курильщик смолит лодку памяти молча –
Могилу, плывущую с грузом числа
Сквозь дымную массу. Порочною ночью
Наказанный временем стянет с чела
Пожизненный образ, глупейшую маску.
Над стуком колёсным кадилыщик плывёт!
И дым утомлённый сползает на насыпь,
И чёрным молчанием красит её.
Ни речи, ни страсти, ни прочего зуда.
Ограбленный зеркалом, выпитый сном,
Он видит одно лишь и то же повсюду:
Холстину, залитую кровью, вином... –

На плоскости бега, на выступах грунта
Пятнают селения холст. И в багет
Оправлены сроки. Он верует в чудо:
Табак не погаснет во времени... Нет!

Ушедшие ближе оставшихся,

Удобные для родства.
Отец на земле откашлялся,
Лёг, передал права.
Память закинет удочку,
В озеро... Воскрешён!
Папа! Сердечка рюмочку
Выпить бы хорошо.
Выплывет из беспамятства
Рыбкою немота...
Ах, память собою занята,
А, значит, и – занята.
Времени, сыну-оболтусу,
Небо дано как дно;
Явью здесь пишутся опусы,
Читаются – сном.
Кашляет август грозами...
Туманами облекло
И сожаления поздние,
И дачу, и эрос осени,
И небытия стекло.

Отныне слухом суть «не видно»: Внимают – яркости. Нужны Стихи для голоса с картинкой Равно как ноты для струны. На сцене прыгает блаженный, Паяц с задачей чтеца. Так, поразив воображенье, Шагает Слово. До конца.

Ах, что нас ждёт? Грядёт иная

Эпоха мирной западни:
Благополучие разъединяет,
Благодарение – роднит...
Песчинка, дальняя сестричка
Величья прошлого, скалы...
В обособляемости личной
Мы так малы!
В увеличительном коттедже:
Понты, бабьё, шмутъё...
Над логовом медвежьим
Цифирь метёт!
Благодаритель вертит, сука,
Точило из потех –
И точит, точит скука
Свой нож на суете.

Сразиться с зеркалом?

И – бегством победить!

О, наважденье выстрелит в затылок
Надменным взглядом... Одиноким жить
Неуязвимее: из всех зеркал – постылость
Сквозит, стирая всё; ей ближе безымянность,
Как репетиция. Оглянешься – той стороной
Уловлен разум! Любопытство – жадность
Рождённая неверием. Твой чуб льняной
Линяет в зеркале времён. С обидной силой
Зачем же спорить? Время – выдуманный бег.
Опять сентябрь. Не облака – дым из кадила

Гипнозом стелется. Покой и сон. Поблек
Тот, что страдал, там, за стеклом в прихожей.
Погашен свет. Карман таит предмет,
Ключами полон. Звучком осторожным
Крадётся эхо бытия – интрижка лет.
Она (та самая она!) уже остыла. Но похоронить
Поблекший образ не спешит. А надо б!
Чтоб одиночества двойная нить
Расправилась, распалась бы. Он – рядом...
Так странно смотрится в глаза других,
Желая влиться отражённым мифом
Из безоглядного себя в воображённый миф
Объятий, покаяний, обещаний, рифм.
Всем хочется любви безоглядной!
Оглядкой правил, зеркалом надежд
Бунтарь опутан – ждущий, плотьядный
Зеркальный раб, что существует меж
Толпы изображений. Оглянись скорей!
Тьму и тепло мы по губам читаем:
Двойная нить двух обнажённых королей
Сшивает ночь. И звук часов отчаян,
Когда с рассветом вахта одиноких
Встаёт поврозь. В прихожей, за стеклом
Тот, побеждённый, обусловлен сроком
Картинок хрупких, обречённых на излом...

**Привыкший оценивать, ценит лишь это: Баллы, заслуги, места,
Он сводит секунды и километры – Пронумерованный арестант. Он
чувствует первых, не чувствуя прочих, Во всём – чемпионский драйв.
Он цифрой «болеет». И, что есть мочи, Орёт в телевизор: «Давай!
Давай!» Уж сожран диваном и выпит инфарктом, Ценитель теряет
прыть... Он время свободного личного старта Не смог, не успел
оценить.**

Зал ожидания...

Он переполнен силой грусти,
Владеющей здесь всем:
людьми, вещами, ночью...
За чемоданами, как зайчики в цветной капусте,
Пасутся дети.
А в буфете – лицо, похожее на пончик.
Вселенная вполне заселена:
на лавках осторожно,
Поджавши ноги, спит с судьбой судьба,
И полицаи зевают звёздный, грустен тоже,
И меж картёжников гуляет пёс-лобан.
Ах, пустота прекрасна здесь!
И муза безвременья
Пустым словам и нотам истинно верна,
Плодит портвейн стаканов розовое племя,
Икотой рупоров звучит объевшаяся тишина.
Зал ожидания...
Транзит для порождённых далью:
Жить значит ждать!
Желаний платных чёрная дыра
Засасывает взгляд.
Лишь бабушкиной шалью
Глаза детей от мрака спасены.
Волшебный аппарат
Звонит, звонит, звонит: «Алло?!» –
потерянного всхлипы,
Или ещё не найденного времени – «Алло?!»
Не мудро помнить или знать...
Лобан к буфету липнет:
Там хорошо, там сытость вечна и – тепло.
Дорога ждущего – из мира в мир дорога.

Других здесь нет.
Зал ожидания есть фокус бытия.
Седые спят давно, им надо-то немного:
Уже зовут!
Билет и паспорт наготове: «Это – я!»

Заткнись! Мы все здесь акушеры,

Когда внимаем родам слов,
Когда последний или первый
С трибуны каркают: «Любовь!!!»
Их мертворожденные звуки
Не оживляют, не поят:
Дитя бесполо... – Кто-то жуткий
Гребёт и ходит «под себя»!
Он залпом высосал полмира,
И смог полмира подчинить,
Он время вяжет – у вампира
Из прочной лжи тугая нить.
Задохлись чувства дорогие,
И рот отныне, как пердун...
Заткнись! Намерения благие
Нам лишь усилили беду.
Оглуший в музыке, в стакане,
Беги, беги, середнячок.
И каркать можно, и горланить,
И – перекушен язычок.

Восход упал в объятия циклона, Погасший день запутался в часах;
Поел и – спать! И исцелённо Храпеть до ужина. Навроде пса: На
выгул! – бег трусцой по стадиону, Пора бы лени растрясти жирок,
Хоть раз в году. И – снова к дому: Кровать нажата клавишей «ОК».

Учили жить друг друга мертвецы:

Вот так ходить, вот так носить одежду,
Иметь машину, или мотоцикл,
Побольше трахаться и думать реже,
Да рисовать себе красивое лицо,
На фото тушей застить пирамиду,
Сиять на службе явным молодцом.
Кто не таков – назначен инвалидом!
Детей учили формулам вранья
Преподаватели, оплаченные властью, –
На труп истории, как стая воронья,
Указывали крики их о счастье.
Внушённых знаний злое колдовство,
Храм трепанации... души –
Для мёртвых мёртвое священно божество!
Гвоздями к прошлому мертвец пришит...
Учили мёртвых видеть, говорить,
Являться призраком и демонам молиться.
Восставшие, они учились жить –
В парламентах, в церквях, в больницах,
За стойкой бара, в заводском труде,
В кредитах, в массовом исчадье
Салютов, сцен... Везде, везде
Плодятся мёртвые! Безбожность – поучать их...
Умеют мёртвые предметы оживлять,
Летать по воздуху, под землю забираться,
Прикидываться ангелом, как блядь,
И смерчем огненным над крышей любоваться.
Их упоенье – страх, восторженный и яркий,
С экранов льётся, нервы бередит,
И тьма им мать, и совесть их двояка
И трупный яд их – гордость впереди.

Живых не стало. Лезвием купюры
Разрезан мир на разделённый прах,
Любовь к деньгам, как пуля-дура,
Прошила мозг и сердце нах...
Учись, сынок, предательству и злобе,
Иначе вряд ли сытым проживёшь.
Учись, как все, а то погибнем. Оба.
Я всё сказал. Ты – на меня похож!

Не надо фото. Путь недолог

От украшений к красоте.
Пусть отпечатается голой
Душа земная на листе,
Неизмеряемом, как бездна,
Неподражаемом, как миг.
Не надо фото. Мир – аскеза,
И ты единожды возник.
Неповторимое – желанней!
Отбросив копии сорняк,
Душа проявится словами:
Полу богач, полу бедняк.
Из театральных продолжений
Она, без платья новостей,
Идёт дорогой обнажений –
От украшений к красоте.

Даётся чудо – чудом, без труда, Легко и весело, как пикничок у пруда.
Жена привыкла к фокусам с мадам: Нырнёт – туда, и вынырнет –
оттуда. М-мм, пикничок! Свободная стезя: Чудить разрешено, муж
– в курсе. Мадам, как буря: «Ах, нельзя, нельзя!» Нырнул туда и...
не вернулся.

Стихи нужны для музыки и дрожи,

Для мудрости, для молчаливых глаз,
Для спиливания бессердечных рожек,
И продолжения незавершений в нас.
Пока неравновесие и дерзость,
Необъяснимость и неясный путь
Зовут к себе – по запятым созвездий
Непостижимую читаем суть.
Стихи как вера: невозможность отрицая,
Они богов своих рукотворяют,
Они, как храм, метафоричных пробуждают,
Они, как труд: уснувших не плодят.
Завёрнуты в бумагу, словно ноты,
Им голос нужен, неизвестный тон.
Сядь на колени, Муза! Кто ты, кто ты?! –
Неназванная та, в кого влюблён.
В бумагу прячется метафоричный заяц!
Копьё законников – тире – разят...
Неизрекаемость! И строками мерцая,
Неразмышляющий, кладу ферзя...
Собою быть сегодня вне закона.
Стихи как сопричастность: будь собой!
Неповторима жизнь! И позы клона
Несовместимы с жилкой голубой...
Читаю грудь, читаю твои губы –
Звучу и плачу в храме ветхих слов.
И мироточит пот, густой и грубый.
Молчат стихи. Молчит... любовь.

Разложен товар на прилавках войны: Страдания, ненависть, клятвы... – Проклятия свежие? – интересуется покупатель.

Перегорит тройничный нерв –

Удар в глаза погасит вести,
И мир завертится, отныне сер:
Без запаха, без ясности, без песни.
Удар в глаза страшней удара в грудь,
Воображение засвечивает вспышка,
И меры бытия глотают грусть,
И в ненасытности ты – лишний.

Значение выше умения,

И первым становится тот,
Кто возвращает знамения –
Рождением, а не крестом.
Кто дружбу, ошибки, события
В ремёсла свои наряжал,
Кто тихое семя наития
Во времени плодом пожал, –
Особенным знаком, значением
Всего, что оставлено там,
В коротком земном воплощении –
В сезонах, ведущих к плодам.

Главнюк! Начальник из говённых, Из тех, кто запахом взброжён, И сладкой вонью подчинённых, Как духом святым, окружён. Он нимбом светится вонючим, Он словом пакостным разит, О справедливостях канючит И лжёт о лживых, паразит. Он сам поднялся из отбросов, Со дна, где царствует не свет, А только грязь и кровососы, В руках наточенные косы, В пустых зрачках червяк белёсый – Погоны, пули и скелет... Среди говна говно не тонет! От проклинаний всё сильнее, Главнюк лишь слушает, как стонет Народ, утопленный в говне.

Животные счастливы. Их хороводы и мантры,

И блянье славное – ай, хороши:
Ни окриков, ни возмущений, ни русского мата,
И гуру вызывающий так светозарно плешив!
Как блохоловки, расставлены паузы мысли,
Заевшей алмазной иглой, до конца
Проточены борозды в разуме.
К «чистым» причислен
Безумие блеющий, полубезумный пацан.
Цветные одежды, плюмажи,
султанчики, ленты –
Засеяны ветром с Востока просторы земель,
Причудливым цветом наполнились дети. И это
Влечение знаков нас вновь подвигает к зиме.
Чужие цветы прорастают плодами чужими.
Так было и с Западом: стадом паслись
Счастливые жертвы не собственной жизни –
Животные, овцы, продавшие душу: «Смирись!»
А почва прекрасна! Пригодна для сева доверий
Любых, что приносятся ветром любим.
Раздолие душ травоядных! И хищные звери
В невидимом мире здесь правят свой быт.
С Востока и с Запада – сеет. И – через море.
Животные счастливы в храмах и грантах. Ура!
Козлы у кормушек.
И менеджмент в офисных стойлах
Восторженно блеет о том, как он новому рад.
Но кто их пасёт?
Кто готовит на мясо, на стрижку?
Хозяин звенит колокольцами, вряд ли веган...
Язык полонён,

блеет странную, чуждую книжку,
К богам балаганным овечка бежит в балаган...
И ленты цветут, и плюмажи растут повсеместно,
Душонка животная, эй, веселись, трепещи!
Законное место ветрами, считай,
завоёвано честно –
Вполне одомашнились:
сон-женишок и земная невеста,
И новое счастье их.
Непобедимое, как борщевик.

Владелец коттеджа не выйдет на площадь,

Рассеянный, он песок, он никого не зарежет,
Ни голосом, ни знаменем не заполощет,
Не подпоёт обновлениям: слух медвежий.
А где-то есть парни, чья собственность –
Это история их, и страна, и живая частность;
Такие же люди, мол, ничего особенного,
Просто площадь для них поважнее чата.
Легки на подъём, кто собой не занят!
Мыслит масштабом, кто юн и губами свеж,
Весь мир ему – площадь, а небо – знамя
И в каждом случайном бистро – коттедж.

**Древо познания плоское, похожее формой на шайбу:
Сверху, как небо, – хорошо перепревшие души,
А снизу иная наглядность: перегнившее время тел.
«Шайба» растёт между быстрым и медленным временем.**

Он выдохнул, а я – вдохнул!

Теперь вопрос:
Кому мой выдох нужен?
Зачем, преимственностью попрекнув,
Глаголющий, наперекос,
Иду в ответов стужу?
Не поровну «вдох-выдох» тут:
Ответ есть круг,
Он поражён суженьем.
Да замкнутости институт,
Боготворит недуг –
Патриотизм от... пораженья!
Победой чудится позорный плач
Фанатов нищих,
Просветлённых горем.
Бог смерти их выигрывает матч
Среди общин,
Запаянных в историю.
Их правила, как ледяной нарост,
Глыбообразной массой
Вокруг. И бездыханность
Благословляет городов погост,
И разность рас,
И пустоту как данность.

**Хвалите слабого! Он не опасен Для мэтра, одобряющего дар
Полупевца, что с похвалой согласен: «Да, это – я: кар! кар! кар! кар!»
Усталый мэтр вполне великодушен: «Прекрасный голос, стиль и
слог...» – И астмой самолюбия задушен Провинциал, полуталант и
полубог.**

Между ночью и днём – ничего: Перехода не существует, Сковороды холостяцкой гонг Будит, но не врачует. Змееподобно шипящий газ Напоминает: «Слуш-шай!!!» Ночь или день сейчас В праведности не лучшей? Суток похмельных крести, Подушек иконостас... Тычет восставший бесик... Яичнице. Вилкой. В глаз.

Выходи из яйца! Выходи!

Скорлупу пробивает живущий.
Кто не занят собой – победит
Пастухов, зеркалами пасущих,
И привычек воспитанных ряд,
И законную цепь представлений,
И обрядов захват. И царя –
Пожирателя мёртвых молений.
Невозможно, бессмысленно ждать:
Теснота разрывает границы...
Да! Тревожный, бессонный жандарм
Бьёт из мёртвого дула по птицам.
Да! Гнездовья находит и бутсой
Скорлупою хрустит. По складам
Он смакует кошмар. И без чувства
Возмужают бескрылые. Да!
Что ж, окутанный этой преградой,
Ты глядишься в зеркальную сеть,
Понимая обрубленным взглядом:
Что жандармом дано – это смерть!
Скорлупу ту проклятую бей же
Изнутри – до последних седин!
На простор, безымянный и свежий,
Выходи и з яйца! Выходи!

Он песни и оды в честь девы слагает,

Он шутит нескучно и чувствует тонко:
«Проси, что желаешь, моя дорогая!» –
Его предложение ёмко.
Она ж отвечает негромко:
– Ты обещал, обещал мне ребёнка!
Он ужасом странным каким-то охвачен,
Он спорить готов с предложением рока:
«Моя дорогая! Я вижу иначе!»
Рассерженный аист вдогонку
Обидою машет, аукает звонко:
– Ты обещал, обещал мне ребёнка!
Он сам себя кроет отчаяньем бранным
Он совестью мучим, всевидящим оком,
Он, время замкнувший, обнялся с диваном...
Счастливая дева жестока,
Смеётся и ластится кротко:
– Ты подарил, подарил мне ребёнка!

Рожденье – рай. А возрожденье – ад:

Живая свежесть скормлена былому...
Коли за прошлое стыдимся (поделом нам!),
То и за будущее страх – не наугад.

Плашмя лежу, покорно замер, Судьбой придавлен, как стеной:
Бумажный муж... А дева-сканер Зрачок нацелила сквозной: «Где был
с утра? И чья помада? И почему не говоришь?» Да-а-а... Разрешение,
что надо. Блин! Ничего не утаишь!

Огонь поэзии взметнулся,

Спалил слова,
Язык обугленный споткнулся,
Немой, воззвал:
«Взойди, что музыкой даётся, –
Бесследный след!
Пусть на огонь смиренно льётся
Поющий свет!»

Кормили нотами с руки

Прекрасную принцессу,
Но с нотной прыгали строки
Бемоли и диезы.
Ложились мысли в штабеля,
И клавиши редели,
И рядом с ней учителя
Досрочно поседели.
Слагали юноши стихи,
Принцессу обожая.
Но не дожили женихи
При ней до урожая.

Твой образ я люблю! Послушный, дорогой, Он всюду рядом, где б я ни скитался; С тобою говорю, беседуя с другой, Стараюсь для других... Знай: для тебя старался! Бывало, еду, вдруг, об столб умом ударюсь, Или, бывало, так: с бессонницей лежу – Всё образ твой смотрю. И даже когда парюсь, Как веник, пред собою я таинства держу: Твой образ лучше всех! Подумать не успеешь, А он уж тут как тут: на всё готов, на всё! – Пред красотой стою, от радости потею, И сам себе твержу: «Ай, дураку везёт!» А вот – оригинал!!! Рождённый антитезой, Он тоже может всё: молчать, позвать, послать – Живьём его не взять, он крепче, чем железный, Меня, как жертву ждёт. Ну, мне... ну, мне... пора мечтать!

Служение Богу – не пенье кастратов,

А яростной жизни порывы, броски,
А также тоска в ожиданье зарплаты,
И радость заштопанной пары – носки.
Автобус угрюмый служением полон,
Служением льётся с экранов враньё,
Позорится временный царь на престоле,
Покоится в роскоши вечной жульё,
Мужья изменяют, и старятся жёны,
То смерть, то рожденья проводят кайму...
В спектакле единственном нет отчуждённых:
Все роли играют, все служат – Ему.

Бежим, бежим...

От сотворенья до погоста,
Под колдовство свинцовых лет.
От суеты освободиться просто:
Не суетись! –
Других условий нет.

Язык когда-то был воспитанным и мягким,

Не мог представить, что его охолостят...
Молчать со смыслом, выражая знаки,
Слова с базара вряд ли захотят.
Язык когда-то был советчиком и другом,
Но согрешил, цифирь считал пока...
Орёт на всех разгульная супруга, –
Торговка, горе языка.

Речь удивительна. Плод её – будит.

Кто языку дал уменье: «Владей»?!
Книги читает лишь тот, кто их любит,
Пишет – влюблённый в людей!
Образ витает, подобье грохочет,
Слагаются воды в верлибр;
Весь, до последней пылинки и точки,
Речью построен сей мир.
Падаю молча в пшеничные тени,
Шёпоты слышу земные: «Храни!» –
Музыку духа, вершину свершений,
Речь поднимает в зенит.

Из кружева лучей одежда Бога!

Нет пустоты и разделенья нет;
Свет от звезды – мгновенная дорога,
Соединившая со светом свет.
Когда-нибудь одушевлённая наука
Доказывать оставит страсть,
И по лучу, как с Богом на прогулку,
Отправится, смычками помолясь.

Солдат сторожил соловья:

– Стой, кто поёт?

– Не я!

**Разбогатеть торопишься? Ну-ну. Хватая всё, ты копишь бедность...
Вниманием проявишь глубину! А любопытством? – Поцарапаешь
поверхность.**

О, музыка! – Плоть состояний:

И камни не ниже струны –
Мраморных дев изваяния,
Нагие дрожанья видны.
Живое откупится семенем.
А кариатиду почтит
Олово солнца последнее,
Камню залившись в зрачки.
Жжением, таинством скованный,
Взгляд долетит –
В небо чужое, оконное,
В девушку во плоти.

У зеркала, закрывшись в ванной,

Рассматривает эго свой предмет...
Тьма прячется за амальгамой:
«Собой очаровавшийся, – во тьме!?!_»
Ну да! Скорей, стрельнув защёлкой,
Спаستись, уйдя, как в море, в юморок,
Ругнуться крепко, растрепаться чёлкой,
Да мнений дружеских собрать оброк.
И снова – в ванной, от людей закрывшись,
Угрюмо изучать одно и то ж:
«Кто этот лучший, никому не лишний,
И на кого из знаменитостей похож?»

С чужой судьбой заигрывает сатир, Двусмысленность обводит круг,
Соблазны расстилаются, как скатерть: А вдруг судьба откликнется,
а вдруг?! Вдруг ей дано через любовный промах Зачать того, кто
двойственность поправ, Царя воздвигнет не в корнях, а в кронах? –
И сталь косы вдруг победит трава!

Зачем же шестерней крикливость,

Чертёж, от чёртовых причин,
Когда живого роста милость
Так содержательно молчит;
Как быть с земным образованием? –
Уж гибнет миг в потоке лет,
И в том, кто сам собою занят,
Доброжелательности нет.

Живите все!

Свечой горящей
Любовь раздвинет правил круг,
Лишь этот свет животворящий
Завещан вещи.
Мир в игру
Уже вошёл,
И стала домом
Любых небес любая тьма –
Ведом светильником духовным
Огонь кипящего ума.

Хороши, а может, плохи,

Но ложатся раз, и два,
На мотив большой эпохи
Поколения-слова.
Между ними: войны, межи,
Тупики или пути...
Но пока мотивы те же –
Из эпохи не уйти.

Война – одинокое, тихое дело:

Кому подчиниться, в чём божеский дар?
А крики на поле, и сеча, и стрелы –
Так то не война, а всего лишь театр.
О, сколько в нём партий о счастье пропела
Толпа, породившая свалку святынь!
Война... Одинокое, тихое дело:
Кто выиграл веру, тот выиграл жизнь!

Печаль с печалью встретились,

Земная с неземной:
На том, на этом свете ли –
Всё холод ледяной.
Друг к дружке осторожненько
Прижаты: не скулить!
За газ, за свет безбожникам
Приходится платить.
От той печали смешанной,
Летит, ну хоть ты режь,
Душа окоченевшая
В пленницу надежд.
Война да горе радуют...
Согретые войной,
Печаль с печалью – празднуют!
Земная с неземной.

*Не плачь! На Бога не сердчай,
Пусть в старом храме пусто,
Но без ударов не звучат
Колокола искусства.
Разбито сердце, разум пал,
Душа ушла в болезни,
Тебе казалось: мир пропал,
А получилась – песня.*

II

Воспоминания и опыт

Ухватят вдруг, потянут так,
Что станешь прошлого холопом
И обратишь повторность в знак,
И будешь, сравнивая, слепнуть
От тех огней, что манят взгляд,
И ноги в топоте победном
Пойдут, – куда глаза глядят.
О, юность! Пир каннибализма –
Голодных душ растущий мир
Мчит, безогляден и непризнан,
Трубя рассудочный верлибр.
Близняшки-ангелы, бесполы,
Провозглашают высший ценз:
Не тот, кто зрелым вечно молод,
А тот, в ком блеска перевес.
Всем – отказать! Какая глупость:
Злой разум сердцем прострелён,
И соблазняет неприступность
Того, кто властен и силён.
Никто не вор, но все укралось.
Смекай о том морщинный лоб!
Лишь возраст сталкивает в старость
Любой озлобленный холоп.
Итак, с закрытыми глазами
Ты видишь памятную явь,
Где предначертано над лбами:
“Рассудок верой обезглавь!”
Чтобы во имя изменений
Греть на лестнице измен,
Чтобы в труде, как в исступленьи,
Гасить лета, ловить момент...

Гортань былого мною вторит
И плоти требует кумир. --
Объединяет низких горе,
Разъединяет низких мир.
Хулитель, верою возвращенный,
Хоть и силён, - закончен бег:
Друг в друге спорщики прощены,
И разум холоден, как снег.
Узрев запретную картину,
Вернешься, хищный и прямой,
Глаза откроешь: скудость видно...
Глаза закроешь: “Боже мой!”

Займи меня!

Не в долг, а в дар
Войди в распахнутую душу,
И я, как ящер, выползу на сушу, –
Пра-пра-пра-пра-пра-Икар.

В душе стоят ночные тени,

Пред хиромантом дней ладонь:
Безумие – залить ученьем
Любовной глупости огонь,
Питаться мудростью и солью,
Дырявить книгою висок...
Бесплодие для женской доли –
Судьба и хищника кусок.

Живут жучки на ветке,

Невидимы громам;
На правила и клетки
Разбита их тюрьма.
Их разум-папарацци
Извлёк не из газет:
«Народ-то голый, братцы,
И короля, бля, нет!»
Да, жизнь как «госуслуга»
Под сенью льгот и бед:
«Мы не нужны друг другу,
А, значит, – и себе».

Зачем любить самовлюблённых?

Зверь осмелеет и пожрёт
Коня и рыцаря. И с трона
Сойдёт в испуганный народ.
И перекусит древки флагов,
И мысли вспашет бороздой,
И вновь предателей отвага
Взмахнёт крестом или звездой.
Он пьян историей кровавой,
Он лют, и голоден, и зол,
На сердце – разума отравы...
То зверя вскормленного право –
Любви беспомощной позор.

**Разнообразие – это живые осколки разбитого Бога,
Осколки холодного зеркала – наши безбожные дети.**

Музыкальным, задумчивым пальчиком,

Ангел опять набирает волшебные цифры:
«Алло? Я в том самом кафе...»
Рай оплачен:
Два капучино,
горячая пицца с немецким сыром.
Лицо – без специй: губы не под помадой,
В ангельском голосе кувыркаются черти:
«Благодарю, что пришли... Уверю вас, рада!»
Во взгляде, почти что порочном,
непорочные дети.
Снег – не лучшие декорации для раздеваний:
Простая прогулка бескрыла, не музыкальна.
«Ангел мой!» – Произносит он с опозданием...
Дверь застрелилась.
Лифт на канате, как голос альта.

В час лекционный и в час возлияний,

В платье, в шинели, в халате врача –
Спорят всегда получатели знаний;
Источники знаний – молчат.
Спорят до хрипа, молчанье кромсают
Земного ума говорящие рты,
И только однажды, прозренья касаясь,
В согласие они замолчат у черты.
И – побредут, познавая наощупь
Действительный грех, пустоту между строк...
Суди себя сам, получатель и спорщик:
Какой новизной ты пополнил Исток?

Надежда! Вамирка и злыдня,

Слетает, едва ты рождён...
Надежда питается жизнью
Того, кто бессмысленно ждёт:
Зевакой – чудес на арене,
Немым – болтовни о благом,
Обманутый сказкой про время,
Как будто опущенный в сон.

Досрочной старости талант – не любопытство.

Не интересен интересный круг:
Ни зал музейный, ни торговец быстрый,
Ни новый путь, ни возвещающий гуру.
Разочарованность, прильнув щекой к дивану,
Читает паспорт – даты именин...
Всё позади!
Покрыт итогом странным
Годов пятнадцати усталый господин.

Мои друзья – друзья мои,

И я у них один.
Не у друзей друзей займи,
А сам своих найди.
Мир миром собственным влеком,
Богат на новый шаг;
К друзьям друзей идёт легко –
Не попрошайкою душа.

Папой я привык гордиться,

Он такой большой!
На плечах его, как птица,
Я лечу домой.
Папа добрый, честный, сильный
У него медаль,
У него все сказки – были,
Все дороги – вдаль!
Я расту, и гордость – тоже:
Внуки, жизни бег...
Всё поймёт, всегда поможет
Лучший человек!
Боже! «Скорая», больница,
Речь чужая за стеной...
Как же буду я гордиться? –
Умер папа мой!

Дом без фундамента – не прочен,

Так и возвышенность: пуста
Без землеройной пьяной ночи
Без денег, сорванных с куста,
Без поцелуя юной дряни,
Без оправданий, ссоры без...
Так вот, на этом покаяньи
Не дрогнет башня до небес!

Сгоревшие спички... Сгоревшие спички!

На войне, на работе, по глупости – холоден, чёрен и хрупок их рай.

Весь в нетерпении спичка-подросток: ах, поскорей бы зажётся огонь!

Причина и следствие... В ком они слиты?

Ответы хрустят на зубах – карамель!
О, да! Достигается, в сонме двуликих
Двуликим коварством двуликая цель.
Оглядка и выгода пишут уставы
О том, что: виновен, продажен, хитёр
Любой из живущих. И чёртова слава
Резвится с колечком святых, как дитё.
Нет, ветрам причин воплощений не видно,
И следствия зря делят свой горизонт.
Двойная дорога страшна и обидна:
То смерть бесполезна, то жить не резон.

Сюжета нет. Так пишет духовидец,

Следящий за движением причин:
Игра вещей вторична? Да! Однофамилец
С Богатством Бог. И – оба палачи.
Хозяин тот, кто изменяет образ;
Узор изменника – застывший страх.
Вот! Возраст новизны земной есть возраст
Того, кто травит байки у костра,
Цигарку курит, вспоминает ересь,
Центурионом совесть колет на кресте...
И это есть причина высших следствий –
Детей казнить на недописанном листе.

**Безликим гордость кажется уродством...
Гордыня плачем упивается – до скотства!**

Организованные в речь,

Слова всегда герои,
И буквы не извлечь
Из правильного строя.
К барьеру!
Препинания
К словосмешенью склонны...
Стой!
Запятая ранит,
По-снайперски бессловна!

Любой молельщик – клон или фантом,

Крещённый заживо.
А тайный орден,
Ведущий толпы, бесами ведом,
И враг им каждый, кто свободен.
Он, правда, свят, владеющий подменой;
Отныне гул – бесовский инструмент,
И по верёвкам колокольным, как по венам
Стекает, капает измены след.
Из грязной ложечки глотнувший истин
Не понимает: отчего болит
Душа раба, и почему зависим
Себя спасающий – от не своей любви?
Гул нарастает.
По проводам и нервам
Стекает в душу брага цифр...
Ликують мёртвые.
Спасает веру
Преступник, рвущий пелену порфир.

Видеть во снах не себя самого –

Притчи, истории, знаки...
Куда ты бежишь, человек-самогон,
Бездомней собаки?
Бьёшься за первенство самки, самца,
Шуруешь любой кочергой,
Тьмой удивлённый, готовый мерцать
Предметами – из ничего.
Птицам не снятся раи человечьи,
Притча простых проста:
Сложены крылья во снах – навстречу
Снегу и холодам.

Глаза подражают октавам соцветий,

Слух очарован сиянием нот,
И время живущих – распевшийся ветер,
И память ушедших – поёт.
Дрожанием тайным, причастием явным
Преображён музыкант;
Внимающий агнец становится равным
Богам, освящающим балаган.

**Грамотный верит в незнание, А глупый, как граммофон, Крутится
в наказание За то, что был заведён; Круг горизонта открытого
Не мыслится – через забор; Знает духовного мытаря Душу продавший
вор.**

**В небесах, на земле и под воду Я бы повесил призыв боевой: «Не
заражайте разумом природу, Она не вынесет искусства над собой!»**

Восстали мёртвые! Им жизнь нужна!

Кругом расставлены ловушки:
Посредство денег, страх, война,
В сутанах козлища и побирушки.
Живые стоны, кровь и злость души
Пьют мертвецы в давилнях. Пиздят
В очередях казённых! – Словно вши,
Живые люди расстаются с жизнью.
Замор духовный. Славься, людоедство,
Забита падалью пустая голова.
Восстали мёртвые! Живым нет места
На злой земле... Любовь вскормила ад.

О, человек! В твоих ли силах

Внутри войны войной не быть?
Зачем так громко, так спесиво,
Так зло о мире говорить?!
Грозиться правдой, как расправой,
На справедливость уповать,
И со свободой, как с шалавой,
Валиться в пьяную кровать.
И восторгаться грязной пеной,
Породу рода плербсом крыть...
Приходит жуть обыкновенной
Привычкой жизни – воем выть.
Война – не кровь. Живых скосила
Разврата сабелька: фь-ю-юить!
О, человек! В твоих ли силах
Внутри войны войной не быть?

Нас дети бросили, швырнули

Друг к другу телом и душой,
И мы обнялись, мы уснули,
И прошептали: «Хорошо!»
Пространство криком разрывая,
Ворвались дети в этот мир,
И стали жить мы, убывая,
Не жизнью собственной – детьми.
Но дети бросили, исчезли,
Оставив памяти свинец...
Нам хорошо. Лишившись цели,
Мы стали целым, наконец.

Я – здесь! Ты не ищи другого:

Другого берега, двери другой,
Других небес, другого слога.
Твой взгляд нагой
Насквозь провидит.
И наверно
В переплетениях судеб есть месть.
Кого ты ждёшь, любовь и стерва?
Я здесь... Я – здесь!

**Жизнь распахнута, дар обещанный: Простодушье, самцов угар.
Возвращается через женщину Откровение, как удар. Быть
доверчивым?! Вон, оружием Обернулся любовный гон: Отобедала
самка мужем – Болиголовом и дурачком.**

Мычание, стоны, и визги, и хрипы –

Не сразу на струнах танцует рука:
В ошибках друг друга мы все повторимы,
И невидимы в находках пока...
Не сразу смирится стихия звучанья
В объезженных струнах и нотной узде.
Со скрипкой обнимется дух: «Отвечай мне!» –
И, грешный, он будет на звуке воздет!

Каток городской, как коррида,

Здесь девочки – без голов!
И лихо заломлены нимбы
Семнадцатилетних богов.
Я тоже имею «канадки»
И лёд режу лезвием злым,
С богинею под руку, сладко
Кружу, подрезая углы.
А радио голосом счастья
Поёт, не пуская домой.
На том стадионе встречаться
Любили святые зимой.

**Всегда быть умным – это глупо!
Пойди, наешься задарма:
Пусть кровь, прилившая к желудку,
Умножит радость без ума.**

Бескорыстие – редкость.

Особенно в мире избытка!
Лучший друг, получив гонорар,
прибедняться горазд.
И попытка открытого сердца отныне,
как пытка –
О единственной прошлой любви
сожалеть много раз.
В изобилии тонут, себя погребая,
тяжёлые думы,
На искусственном
вдохе искусства – стремителен бег,
И проповедники громче,
чем сталелитейные блюмы,
Литьё эпохальное плющат
до крестиков и эполет.
Блаженности руки
по-царски щедры, но изгойны:
Здоровый смущает
большое собрание вечно больных,
Воспитанных голодом, грубостью,
страхом иконным,
Словесным отваром заморской, чужой белены.
Жалеть бы друг друга!
Возвышенность – имя поступка.
Людьми восхищаться,
быть вместе, одной прямотой,
Влюблённо, лишь даром на дар отвечать,
не покупкой,
И ось вековую пора развернуть,
заменив горизонт высотой.

Он попросил: «Скажи душой!»

Мы заварили вечер:
И чай с душистою травой,
И с ароматом свечи.
А гость зевает... Сна лишён!
Он от словесных кружев
Весь переполнился, ушёл.
Он – не дослушал.

Старая девочка, мальчик седой,

Какою вы связаны дружбой?
Птицы невинности, как над бедой,
Над пропастью времени кружат.
Часы тяжелеют, опасен их гнёт,
Дружба медлительна слишком;
Горло бездонное слово сглотнёт –
Мечтательною пустышкой.
Память сердечная, след золотой:
Время провалы сужает...
Старая девочка, мальчик седой
Любовью, собачкой, играют.

Нарисовали будущее страшным, Изобразили прошлое прекрасным
– И стало тихо в настоящем нашем, Как на закрытой для проезда
трассе. Преодолеть умеем невозможность, Как боги, познаёмся в
небывалом, Но в настоящем очутиться сложно Владельцам самогона
и мангалов. Мечтами пожран, плодояжкой, Ремёсел просветлённых
плод, И настоящее здесь служит норкой, Где время вечной гадиной
живёт.

Чернила созданы из просветлённых слёз,

Бумага промокает горе,
В конце речений точка – ось колёс,
Вращающих слова. Покорен
Пиит, как раб, пред непростой работой,
Дающей заменитель хлеба –
Бессонницу. Рывок к подруге нотной,
То к музе, то к молебну
Понятен вряд ли типографским штампам,
Дарующих словам число –
Тираж и смерть. Ну, а перо под лампой
В бумаги саван бьёт челом
Упорно, иступлённо, зная глупость,
Что предначертана издалека:
Бумага – эрос! И для женщин трудность –
Соперничать... Ах, непонятно как?!
Листом прикинуться, соблазном белым,
Чернилами пролить часы?
Пожалуй, да. Побег бывает смелым
Из рабства – почерком косым.

Апостол способом басовым

Играет таинством причин,
Он изнутри, палач суровый,
Глаза – выкалывает словом:
Калека «Верую!» – кричит.
Отныне внутреннею «правдой»,
И смысл, и здравие поправ,
Увечье примет, как усладу,
Калека нищий. То и надо:

Казнить – апостола игра.
Через барьеры всех условий,
Через границы языков
Летит чума. В басовом слове,
Как штык калёный, наготове
Укол для новых бедняков.
Конец настал. И свет погашен.
То, чем пугают, – это явь:
Басовый гул печальных башен
Слепыми правит.
Бог продажен,
И ненасытен, как удав!
Зачем безграмотных, безмозглых,
Владея басом, кроет страх?
Нет, не пробьётся здоровый возглас
Ни сквозь молитву, ни сквозь возраст,
Пока палач как иерарх.
Ведом романтикой преступной,
Апостол жертвенностью горд,
Он сам себя, подобно трупу,
Зарыл, торжественно и глупо,
В слепой, но верующий гроб.
Да будет так! Живое встанет,
Глаза от морока протрёт,
В грехе зачнётся, песней грянет,
С последней денежкой в кармане
«Живой я!» – Богу проорёт.
И канет гул, и штык печалей,
И вновь азартностью ведом
Искатель вечных изначалий...
Беги! Апостол, не из-за плеча ли,
В глазницах шарит языком?

Нет, не в крови родство таится,

А в резонансе тишины,
Когда двоим всю ночь не спится:
Они одним бы стать должны,
Аккордом взяться. В постоянстве
Любви, взаимностью звуча...
Так признаёт родство пространство –
Отцовством Божьего луча.

Ты опыт имеешь? Так выбрось его!

Он детям не пригодится:
Эпоха сменила валюту, богов
И полуживые лица.
Изменница вечна, развратна, юна,
И нет из эпохи в эпоху
Мостка, по которому нрав
Передавался бы – вдохом.
Забвение – дворник, и знает метла
Усталость от листопада
Кленового века. Садовый план
Менеджерам – не надо!
Посеяны хаосом, сжаты легко
Нового опыта зёрна...
Дитяtko – алгебра с молоком –
В сверкающее завёрнут.

Где тысячерукость, стоокость, – Завязаны музы узлом...
Объём, унижающий плоскость, Двухмерности кажется «злом».

Легко загореться, погаснуть легко:

Понять невозможно, принять – непривычно.
Примером ошибок на крайность влеком
Обученный пленник цитат и кавычек.
Он ломится, словно птенец из яйца,
Тревожно, торжественно, неостановимо –
В незнаемость истины: плоть прорицать
Сквозь голод и пищу, и слов пантомиму.
Почти безрассудна, желанная та,
Несущая милость любовной ошибки...
Что там, за скорлупкой? Смычком прожита,
Из женщины в женщину, плотью октав,
Дорога безумца-бродяги со скрипкой!

Нельзя, нельзя, нельзя виниться! –

Прилипнет званая вина,
И переломят поясицу:
И муж, и дети, и жена...
Вина – смола, елей из ада,
Как сок по тёмному стволу
Стремится тайно. Горю рады:
И царь, и раб, и верный плут.
Зачем отец пример оглядки
Передаёт сынам, скажи,
И нищесбродские повадки
Надежды режут на межи?
Поклон что казнь. Закон делений
Разбудит мести барабан,
Вина, ценою поколений,
Переведёт в цари – раба.

Пришла бесполоя порода

Полулюдей, полусвиней:
Самолюбивая свобода
Боится собственных корней.
Боится семя пробужденья,
Росток уходит от плодов,
И чадо, чёрт на иждивенье,
На всё готовое – готов!
Всё, что росло, без сожаленья
Рубилось денег остриём,
Всё, что ушло с путей рожденья,
Отныне – кладбище твоё.

В жизнь заключённый, свободен условно.

Старательно тянут свой срок
И вохры, и зеки, по правилам зоны:
Освобождение – общий итог.
Однако накинут на душу повторно,
Телесное иго – рецидивист! –
И заново будет он жить, вне Закона:
Бездарен, бесправен, землист.

Имя – сила! Оно сильнее Времени. Но в годах резных, Себя имеющий, – не имеет Неназванной новизны. Что приходит сюда без имени, И соглашается почему На кандалы и дорогу выменять Нимбов величину? За что вдруг поэту пьяному Открыты пределы стен? Льнёт безымянное к безымянному: Нищее к полноте.

Влюбиться – это катастрофа!

Впасть в добровольный перелях:
То собирать мечты по крохам,
То рассыпать бывшее в прах,
Всю ночь ворочаться в постели,
Волну тоски с другой волной
Соединять не в самом деле,
А – только в горести больной,
Да ждать неведомо какого
Конца концов, часы травить...
Раздаться, муза, перед Богом:
Влюблённость лечится – в любви!

Слова кривляются, а дух – не понимает,

Слова кривляются, а дух – не понимает,
Соблазны струн совокупаются – молчит.
Лишь речь измен, как девочка хромая,
По кабакам разносит калачи,
Эпохи бублики, тысячелетий караваи,
Звенят на поясе времён ключи...
Слова построились, но дух – не понимает,
Соблазны струн в прислужниках – молчит.

**Книгой всемирную неизвестность Не одолеть, Переводчик из слов в
бессловесность – Музыка точки, смерть. Время, как мяч кручёный...
И, удивлён, Дарит осени лист сочинённый – Житель июля, клён.**

Как ржавчина, днище проточит

Таланта бунтующий пыл,
Бог дал ему вещице очи
И опыт младенца, увы.
Салон опьяняется вальсом
Взлетая, шуршит полотно...
Живых пропускает сквозь пальцы
Талант, отправляясь на дно.

Как много хочется! Но малым

Дано строжить или страшить:
Спать под наркозом ритуалов
Спешат боящиеся жить.
Единым облаком охвачен
Язык. И разум просяной
Полит слезами. Это значит:
Толпа – в картинке заводной.
Тот сонм ведом царём купален,
Творцом изделий скобяных:
Мол, постигаются печалью
Глубины радостей иных.
Он не живёт уже, а «терпит»
Адепт, пугающийся жить...
Его цена – бездумный трепет,
Завет: насильно усыпить
Всех, сопричастных как бы Богу.
Бесследны пуганые – снег:
Не шевелись! застынь! не трогай!
Нет для иллюзии другого:
Передаваема – во сне.

На Пасху месят бабы тесто,

Смерть принимая за рассвет...
И тонут в омуте небесном
Невесты – Зверю на обед.
Уж он отметится прельщеньем
И в чудесах, и в словесах,
И поцелуйным подношеньем –
С кагорной кровью на усах.
Душонка тянется к душонке,
У лавки вертится: «Почём?»
И ликованье, как квашонка,
И чёрт парчою облачён.
Забавы подлостей священные:
«Спасён!» – убийца же вопит!
Зло, раздающее прощенье,
Преступно исподволь. Не мщенье
Преступному – благоволит.

Сколько печей по России зажжёны!

Каждый сидит, одиноко,
Курит, мечтает, жуёт напряжённо:
Зима – это время не впрок.
Тепла заготовлено разве на сутки,
А дальше – сражает мороз:
Фонарь околевший, да дерева стуки,
Да полчища белых стрекоз.
Стерильны вокруг, бесконечны постели,
Февральский на крышах плед...
Холодные люди едины в безделье,
В мечте дровяной – о тепле.

Прощайте! На гвоздик прибито число...

Запутавшись в людях, как в тине,
Я лодку ворую, и ночь, и весло.
И – ухожу как повинен
В усталости странной и той пустоте,
Что ко всему безразлична;
Город под светом Луны истлел
Игрушечкою вторичной.
Покинутый берег не бросит огня,
Друг оправдается в опозданье,
Да числа на гвоздике возомнят
Суть времени – расписание.
Прощаются молча, уходят неслышно
Из тихого пруда к реке:
Лодку пустую, что ветром колышет,
Рыбак обнаружит. Но с кем,
С кем стоило, кроме Луны, обниматься?
Расплавил числа вода...
А через вёсла, как ток эманаций, –
Текученье «оттуда», куда-то «туда».

Мы отлили царь-колокол,

Да поднять не смогли,
И царь-пушка тяжёлая
Не защитила земли.
С великаном не спорю я,
Мать, сырая земля,
Пусть живёт царь-история
Экспонатом Кремля.

Заклятья ложатся напрасно

На повторяемость дней:
Безбожная старость ужасна,
Но набожность с детства – страшней!
Пришпилены пасторским слогом
Гербарии разумов. Жуть!
Прийти от безбожия к Богу –
Единственный собственный путь.

Бог есть! Неужели не ясно?

Сказал же: «Я рядом с тобой!»
Подходит! Уж хрустнула насыпь
Под чьей-то нездешней стопой.
Он ветерком притворился,
Он – пар изнывающих щей,
Куда ни посмотришь: родился,
Нечеловечески щедр.
Бери, сколько можешь, красоты,
Любуйся, на травы ложись...
У Бога такая работа:
Отныне и присно Он – Жизнь!

**Ни впереди, ни рядом, – никого! Конец как облик чистого листа:
И знаки, и словарный гонг Засасывает пустота. Звук одиночества
– язык творца – В случайной келье сотрясает нёбо, И смотрится
из зеркала лица Неотражаемая злоба. В глубоком, за плечами, всё
пустое! Исчезло путеводное цветенье... В самоубийственном настрое
Невозвещаемость творений.**

Матёрыми становятся щенки:

Клыки и когти –
Уже не для игры. Зайчат стежки
Окончатся кровавой плотью.
На крестях лап гадать придётся,
Как Гамлету:
Кому какая смерть зачтётся,
И кто с предназначением в ладу?
Мир невозможен в мире пищи,
Бежать нельзя...
Бегущего бегущий ищет –
Дающий то, что будет должно взять...
А именно: азарт двойного бега
Через поля судьбы –
До окровавленного счастьем снега,
До волчьего взросления: добыл!

Неясность – хирург. Поучала,

В живое воткнувши ланцет:
«Опыт конца непонятен в начале,
Опыт начала – в конце».
Жена в старушачьем платочке
О юности голосит...
Иллюзия кончена в точке –
В опоре для новой оси.

**Проклятиями швыряются От лжи знатоки: «Лекарств!!!»
А унижение умирается возвышением языка.**

На длинных, сияющих спицах рассвета

Вяжется многое. Зря не пройдёшь
Через портьеру бессонную эту –
В запоминание, в буквенный дождь,
Что, нитям подобный, сливается в струи
Стекающих строк. И живой
Вязальщик рассветов над полем ликует,
И катится в гору клубок огневой.
Там соткано имя, и названа мера,
Ах, иглам сияющим гнёздышко вить...
Там зеркало пруда листаемо ветром,
И всё не кончаются буквы и нить.

Свобода прячется в трудах, в молитве, в тексте,

Кто как умеет – ищет встречи с ней.
На дне стакана божеской невестой
Она мерещится, когда финал видней...
Буфет закрыт. И трубы плачут громко
О рабстве совести и старых должниках,
Ах, из кладовки надо б мамину иконку
Вернуть на место, как свободу о стихах.
Любовь да здравствует, да здравствует надежда!
Для полноты хватает и «чуть-чуть»:
Чужой свободы раб рождён уже. И реже,
Реже, реже – оглядкой переломлен путь.

Свобода слова – птица или камень,

Свобода цифры – посох или смерть.
Играют в письма, как временами,
Детей родители, целующие плеть.
В речах распущенный есть падший,
Нули глотающий, – и ноль, и мёртв.
Последней скоростью заряжен страшно
Певец числительный, речей гримёр, –
Закон. Плодит овец и конвоиров
Свобода праздновать или считать,
Взлетают чада, побирушками, по миру:
Чужими птахами чужую жизнь листать.
О, кукушонок, горе гнёзд родимых,
Кто подложил тебя в любовь слепых?
Река речей течёт... Столетья льдины
Весною бредят: луч нору прорыл!
Потоп, потоп! Наполнен хаос волей:
Опоры посохов ронять или дарить,
Грешить в барыш и покаяний солью,
Пройдя сквозь ад, святых рукотворить.
Любовь есть твердь. Уж над пучиной
Горбатится околосемный материк,
И ящером ползёт из-под личины
Лицо наследника. И рвётся пуповина,
Слова и счёт. Безмолвие как крик.

**Книжная полка, как говорящее общее кладбище.
А, впрочем, здесь безымянных и молчаливых
Могил-однодневок полно...
Не хватает хранителю полки посмертного вкуса.**

Чему внимать в стране, где лик

Один на всех? Взгляни-ка:
Поэта жизнь – предсмертный крик,
А книги – эхо крика.
В надежды загнан дурачок
И убаюкан ленью.
И мёртвый лучше облачен,
Чем пробудивший семя.
Для одиноких душ кольцом
Заверчено вниманье,
И просветляемо лицо
В предсмертном пониманьи.
Линяет, сыплет скорлупой
Тюремная матрешка –
Страна, поющая запой
Под петлю и гармошку.
И сигаретою прожжён
Лист авторский неловко,
И разум – сердцем обнажён
Ценою остановки.

Мы все на дне. И все безвинны.

И все бессмысленны, как рыбий сон:
Утопленника рот наполнен глиной,
При жизни – полон был желаний он.

**Война, гражданская война, сожгла страну.
Вина, гражданская вина, свела к вину.
Потерян путник без пути, идём бесследно,
Оплот по имени Никто уходит в небо.**

Мой милый, видишь, я с тобою!

*Вот наши дети, дом, навес,
Очаг и свет, и звезды над горою.
Скажи, ты счастлив здесь?*

Летят экспрессы встречно, параллельно:
Плоть мучает одушевляемость поклаж,
Дух мучим жаждою овеществленья –
О жизни вечной, встреченной, мираж.
Объятья помнишь ли? Они волшебны!
Перемещений точность – в искренности: «Ах!»
Неповторим повтор любовного молебна –
Он и Она, поправши прах, рожают прах.

*Любимый мой! Судьба на повороте
Дает нам посох – близости закон:
Единый ритм в единой ноте,
Сердечность, разум, сон.*

Бог-отчим стар и наслаждается печалью
Живущих страхом и вскормленных пустотой.
Летят экспрессы! Бесконечность вертикальна!
Беспамятство холодное украшено звездой...
Не знать! Открыться в смерть и превратиться
В немое око столкновений лобовых.
Вещь и душа – охотник и куница
В лесу существований и глаголов злых.

*Уставший друг, ты снова улыбнешься!
Обнимешь женщину, споешь,
И мир удержишь вербной ношей,
И ложь войны переживешь.*

Из резонанса в резонанс перетекает небо
Внутри блуждающих в самих себе фигур,
Вне параллелей и путей. А здесь потребны:
Самообман обманщикам и глупым – балагур.
Слепых миров сложенья слепо руша
Мир перевернутый схватил краеугольный вор.
Титан как мертв, каменья ловит в душу;
Могущество смиренно: мертв как добр!
Дух обречен на бездну лет!
Фундамент движимого вечен:
Бесчеловечный на Земле
После Земли очеловечен!

*Мой милый, ужин на столе!
Фундамент движимого вечен:
Бесчеловечность на Земле
Твой поцелуй очеловечил!*

Погибнут все. Прибавочной природой

Останутся, без памяти, без слов
Итоги выдоха – кичливые народы,
Вещей сезоны и сплетения умов.
Пополнятся угодыя плодородий
И под ногами, и над головой.
Иной весной иной хозяин водит
И образ сеет в мир иной.

Вечные вещи и детская вера –

Что ещё надо стране?
Причины затмений... их шляпы, манеры...
Ну, что там, под нимбом из фетра?
Слово проклятое: «Нет!»
Сиротка-Россия под мачехой моды,
Под отчимом-богом, чужда
Судьбе самобытной. По кругу походы:
Насильное счастье, насильные роды,
Да сладкое слово: «Беда!»
Тюрьма на века, хороши разговоры:
Духовность, любовь, доброта –
О том, чего нет, любят бедные воры
Твердить и с трибуны, и в камерах, в норах...
И – сытно сиротским устам!

Жаль, суета не унимает маяту...

Чего во имя день за днём хромает?
За тем, кто верит: зрячие – идут,
Слепых же водит тот, кто уверяет.
Да, суета привязана к тому,
Что кормит кающихся пищей:
За кровью кровь – желудку и уму.
О, бытие! Ты – вечный нищий!
Архангел огненный, как стрекоза,
Вдруг замер на мгновение у края:
Высокий хищник! зрячие глаза! –
Ведомых кончена прямая!

Пространство слов – иллюзия простая:

Дать имя означает дать, как ключ,
Возможность бытия. В окладе ставен
Из окон взгляды испускаются, что луч –
Святые сплетни русского мещанства.
Поименован всякий пустячок!
Жива пивнушка. Мощи постоянства –
Продукты впрок. И праведность наперечёт.
Бурленьем в горле истины творимы:
То крик, то шёпот, то запой...
Утрата кошелька равна паденью Рима
Под русской безымянною судьбой.

Что возраст? –

Раб во власти календарной!

Да суть пустого – старый ритуал...
Оглянешься: безденежна, бездарна
Дорога к возрасту.
Язык устал
Твердить о том, что он вполне доволен
И пищей днесь, и голосом своим.
Язык наш врёт!
Смотри: часами болен
В безбожность павший пилигрим.

Мыслить едой, как скотина, Во всём – через зеркало – быть.
Увы, похоронной картиной Дано лишь пленер завершить.

На чьих весах сей опыт взвешен,

Какой разделятся межой
Тот, кто свидетельствует: «Грешен!»
И тот, кто празднует: «Святой!»?
А весовщик единым оком
Не поглядит на разность чаш –
Смахнёт как будто ненароком
С обоих спорщиков кураж.

Шипящие, яркие женщины –

Горячие змеи! Умны:
Для офиса наняли лешего,
Святого из глубины.
Душа его ядом пропитана,
Он шепчет себе: «Ерунда!»
Но женское братство, как видимо,
Не ценит мужского труда.
Ах, леший, надёжная косточка,
Себя за доверчивость бьёт,
Махнёт перед сном свою «соточку»:
«Горячие змеи... Бабыё!»

**Зачем меднолобым играть серебром?
Не все сочетания ловки!
Зачем серебролюбцу доверился трон?
Язык не сильнее, чем локти!
Зачем содержанию фатум препон?
Зачем бессеребряным китель?
Зачем осторожному жгучий огонь?
Идущий влюбляется в гибель!**

Отдаться творчеству так просто!

В объятьях музы, обновлѐн,
Октав игрою перекрёстной
Узор вещественный сплетѐн.
Там человек с металлом в паре,
И цифры спущенный курок,
Там самогон крепчайший варит
Всея деревни полубог.
Развязан узел! Праздник вызрел:
Сосед кабанчика палит,
Да на цепи в лохматой ризе
Монах привязанный скулит.
Творится печь, и стол – творится,
И муза музыку творит,
И ярче всех жена-девица
От жарких градусов горит.

Обидно: опыт – не порука,

И ремесло – ещё не свет...
Куда б ни добралась наука,
Глядь! Здесь побывал поэт...

**Нельзя быть ниже перекладины креста, нельзя быть выше.
Чтут равновесие любая из семи ступеней вертикали.
Зерно пути – в пересечении креста.**

**Пороки юной озорницы прекрасны и желанны.
Желания сбываются, когда побеждена не ложь, а трусость.
Жена сварливая ревнует, но порокам служит тем же.**

Через посредство МОНЕТ

Любящий Бог низложен.
Не торгующих больше нет,
И не продающихся – тоже.
Чудо! Горит, как грешник,
Текстовый антрацит...
Через посредство денег
Ожили мертвецы.

Итак, на будущее держим

За волосок
Не технику, не пеньюарчик нежный
Не новый фильм и не кусочек свежий,
А держим, держим, просто держим –
Земли кусок!

Тела слились. И подтвердилось:

Над бессловесностью взхлёб
Словотечений лживых милость
Преобразилась в правый лёд.
Тела кричат. А рот зашитый
Молчит таинственно и мстит
Любви, как будто не дожитой,
И... смерти. Господи, прости!

**Язык – цветок народа – славит собственное небо.
Он память жизни пьёт, как собственное счастье.
Плод языка – прощание с народом – цветам непостижим.**

Дорогу судьбы, словно чёрная кошка,

Дитя перейдёт:
Возьмёт твоё время, вещей твоих ношу,
Гитару возьмёт...
Наполнится звуком протеста жилище
В который уж раз,
В слепом суеверии больше, чем пища, –
Горячий наказ.
Терпением связан котёл поколений:
Играй, дорогой!
Повторно стремится проросшее семя
В предзимний покой.

Пришла родня. Прожгла себя слезами.

Хирург сверкнул очкастой красотой.
Покинул время он и через стены зданья, –
Прозрачный мир прозрачными глазами
Насквозь провидел ум пустой.
О чём сказать?
Блаженнее младенца
Он любовался странностью своей.
Уж в землю брошены цветы и полотенца,
А он всё смотрит, смотрит через дверцу
Той пустоты – в опустошаемых людей.

**Лист мыслящий постиг неотвратимость снега,
Но что такое «горизонт» – понять не смог...
Идущий к цели цели достигает, но – предаёт мечту.**

Старик, казалось, ворожил,

Казалось, пел в кровать...
Казалось: было чем пожить.
Как оказалось: не с чем умирать.
Казалось, радость – от знамён,
Казалось, верил, знал...
Как оказалось, страшный сон
Казался правдой. Всё, финал!
Старик, казалось, разрешил
Всё, что казалось здесь..
Глаза закрыл. Казалось, жив,
Казалось, сам наворожил:
Смерть после смерти – есть!

Отойдите от гроба. Мне стыдно за вас.

Перед зеркалом плачьте – полезней!
Человек человеку – не бог и не власть,
А поход через ложь и болезни.
Сквозь открытые души ломясь наугад
Каждый чёрт с извиняемой силой
Дружит ревностно. Время наград
Над страну падения вас возносило.
И не раз вы ложились в постель с мертвецом,
И кровь пили чью-то – не раз!
И спором щенячьим тягались с отцом –
Земным и небесным. Мне стыдно за вас!

Мечтой умы вооружёны,

Сердца о крылышках трубят...
Воображён в воображённом
Воображающий себя.
И словно в переотраженье
Двух сопоставленных зеркал
Плодит себя воображенье
И – одевается в металл.
Непостижимы сочетанья
И содержания, и форм...
И не поймёт певец мечтанья,
Как оказался в клетке он?

Дай-ка душу сюда, ты же смелая,

Декабрём тишину побелю...
Седина моя, девочка белая,
Я брюнеток уже не люблю.
Засыпай, тишина говорящая,
Не нужны уж слова, не нужны...
Растопи седину мою, ящерка,
Ожиданием белой весны.

**К старости зубы стали красивыми.
Мир вокруг украшается тоже.
Видимо, вместе уйдём.**

Оригинален, умён, лукав,

Появился да был таков, –
От постриженного лобка
От покрашенных ноготков.
Сон вдогонку за подлецом!
Сердцем гарпии полонён,
Пойман зеркалом – нет лица,
Нет лукавства, и не умён:
Хватит бегства. Давно устал,
Спит в семейных трусах порок...
Дня вчерашнего пустота,
Как обломленный ноготок.

Луна такая молодая!

Нам двадцать лет: судьбу – на кон!
Как фантик, платьишко спадает,
Всю ночь – конфеты с коньяком.
Шептунья утра мудренее,
Круг расколдован: время – век!
И каждый вдох ответ имеет,
Особый смысл, особый бег...
Судьба, азартная девчонка,
Играет: всё, иль ничего!
Оконной рамы заключённый,
Луна свивает ситец чёрный,
Сутулой светясь кочергой.

Шум суеты шумов всех слаще – Увы финальному уму:
Под пеной камень говорящий Не будет слышен никому.

Что ж вы, милые, напророчили?

Недокормленное сбылось:
Теснота и безденежье кончились –
Неизвестное началось.
Волны времени взбили пену,
Сочинителей и чтецов;
Ни границы, ни суммы энной
В безымянности беглецов.
Что оставлено – то и творчество,
Да богатство пути: не знать...
Убегаем от рока в пророчества,
Больше некуда убегать.

Все времена, всех образов течение

Впадают в точку, в настоящий миг,
И кто достиг безбуквенных прочтений,
Тот перед зеркалом – наук своих не мнит.
Суть перекрестия начала и итога
Проста предельно: иллюзорен путь.
И мир семян, и мир плодов – от Бога,
Но всякий, давший имя Богу, плут.
Прогулка в жизнь игрой разнообразна!
Трёхпалый демон очарован пятернёй...
И книга зеркала – от ижицы до аза –
Уже осыпалась в распущенности той.

**Хочешь мудрости букет? Хочешь знать устои?
На овечьем языке Говори с овцою!**

Высокий вор возьмёт лишь зёрна да святое,

Применит время, труд, и кровь, и пот прольёт,
И дел значение своих земных утроит,
Покрыв скрижалями зерно зерна: «Моё!»
Не вещь украдена, не разуменье, а – мотивы!
Порок главенствует,
просеян в поколениях детей.
Хранитель высшего рога скрывает.
Льстиво
Обобраным внушая бесполезность жизни сей.
Взор отведён, как ручеёк, в болотце садовода:
Мир рыбок золотых
и странных золотых одежд...
Хор очарованных над всем.
И трижды Бог обглодан.
И запах падали небесной так не свеж!
Круг воровской недостижим для стылой мысли;
Пустыня веры – колдовство окаменевших поз,
Разбит Источник на осколочные числа,
И лёд души с душой скрепляет стылый воск.
О, садовод!
Сад ледяных фигур боится света!
Пыль бедной роскоши считается теплом.
Мотив печален.
Вор божественным заветом
По сердцу водит ледяным топором...
«Моё! Моё!» –
высокий тать примерочно бесстыден;
Униженные вторят сон во сне: «Моё! Моё!»
Клубок родства разорван. Мрак обыден.
И трижды сорвано в плодах жульём жульё.

Потерям счёт – не поголовный:

Эпоху косит геноцид!
Питают падалью духовной
Себя вчерашние бойцы.
Глаза их – плоские полотна:
Внутри – Нестрашный Самосуд!
Обрезав крайнюю бесплотность,
Они мерилками трясут.
Как траву, денежное сено
И косят впрок, и впрок жуют...
Мальцов своих, через колено
Переломив, за живость бьют.
Не веет жизнью из могилы,
Лишь лютый призрак просит: «Пить!»
Готовы новые дебилы
Бездушье кровью одарить.

Вы убеждённых переубедите

Единственно – подменю икон...
Вооружённым глазом можно видеть
Лишь то, на что «вооружён».
В картонке сделав просечение,
Закрой-ка профилем глаза –
И так ходи, «святым» ученьем
Всё «подходящее» назвав.
А мирный глаз распахнут настезь!
Восторгом чувственным прожжён!
Как хорошо: от счастья плачешь,
Когда глаз не вооружён.